

ЛЕТО

СРЕДИ ЗВЁЗД

МИА ВАН

Миа Ван

Лето среди звёзд

«Автор»

2026

Ван М.

Лето среди звёзд / М. Ван — «Автор», 2026

На корпоратив шли за премией. Получили объявление об увольнении. У Гу Сяоцзюнь новая дорогая сумка и карьера, которая рушится прямо за праздничным столом. У её подруг тоже всё красиво лишь снаружи: богатый брак не спасает от разочарования, а острый язык не защищает от боли. Три женщины в мире шоу-бизнеса, где нужно держать лицо, даже когда хочется выть. Они спорят, язвят, влюбляются и вытаскивают друг друга из передрыг, в которые страшно попасть и невозможно не заглянуть. Если вам хочется романа, где можно посмеяться над чужой катастрофой и вдруг узнать собственную жизнь, берите «Лето среди звёзд». У этих подруг стоит задержаться. Хотя бы до следующей главы.

© Ван М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	21
Глава 3.	26
Глава 4.	43
Глава 5.	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Миа Ван

Лето среди звёзд

Глава 1.

Группа S — крупная публичная компания, занимающаяся недвижимостью, внешней торговлей, индустрией развлечений и другими направлениями бизнеса. Каждый год она проводит пышное годовое собрание. В предыдущие годы в это время больше всего приходилось потрудиться административному отделу и секретарям руководителей высшего звена: они занимались организацией места проведения мероприятия, программы, церемонии награждения, розыгрыша призов и вечерней программы, работая не покладая рук. В этом году ситуация немного изменилась: годовое собрание перенесли из роскошного модного отеля W в старый, несколько обветшалый отель. За вращающейся дверью гостей встречал резкий запах дезинфицирующего средства, и лишь огромная рождественская ёлка, возвышавшаяся в центре вестибюля, с трудом спасала обстановку.

Когда Гу Сяоцзюнь, обутая в туфли на каблуках с красной подошвой, ступила на темно-красный ковёр, руководители всех компаний, входящих в группу S, уже почти собрались. Она всегда была пунктуальна, но перед выходом вдруг решила, что сумочка, которую она выбрала, ей не подходит, и сначала заскочила в SKP, чтобы выбрать золотистую сумочку. Несмотря на то что результаты компании «Хаокан Энтертейнмент», за которую она отвечала в этом году, не удовлетворили группу, её имидж «самой красивой женщины-руководителя» не должен был пострадать.

«А теперь приветствуем генерального директора «Хаокан Энтертейнмент» Чжао Хая и директора по контенту «Хаокан Энтертейнмент» Гу Сяоцзюнь!» — прокричал, вытянув шею, ведущий, одетый как швейцар, чем напугал Гу Сяоцзюнь. Она, взявшись под руку с Чжао Хаем, вышла на красную ковровую дорожку и краем глаза заметила, что на воротнике его белоснежной рубашки остался след от помады.

«Господин Чжао, вы испачкали рубашку красным вином. Я попрошу секретаря принести вам другую», — Гу Сяоцзюнь слегка обернулась и тихо прошептала Чжао Хая на ухо.

Чжао Хай сухо хмыкнул: «Я был слишком неосторожен, а ты, как всегда, внимательна. Тебе стоило прийти пораньше — помогла бы мне справиться с этими важными гостями».

— Это я все задержала, позже я угощу их ещё парой бокалов.

На сцене уже зазвучала музыка, а её секретарь Ань Я торопливо проводила Гу Сяоцзюнь к главному столу, где стояла табличка «Гу Сяоцзюнь». Ведущий в костюме швейцара, только что встречавший гостей на красной дорожке, продолжал свою речь, и его напыщенные слова, звучащие через дешёвую акустику, резали слух. Гу Сяоцзюнь огляделась по сторонам, пытаясь найти коллег из «Хаокан Энтертейнмент» и подруг.

Коллег из «Хаокан Энтертейнмент» разместили в двух последних рядах зала — слишком далеко, и Гу Сяоцзюнь не могла разглядеть, где сидит Чжан Ваньвань, и сомневалась, придёт ли та на мероприятие, которое терпеть не могла. Чжан Ваньвань когда-то говорила, что ежегодные вечера и корпоративные мероприятия — это средства, с помощью которых капиталисты промывают мозги трудящимся, а также сцена для саморекламы руководства. Если действительно хотят поблагодарить сотрудников, почему бы просто не перечислить деньги на их зарплатные счета? Сценаристка всегда высказывалась язвительно, тем более что когда-то она была одним из самых популярных авторов колонки о личных отношениях. Гу Сяоцзюнь, однако, заметила в толпе Ян И: та сидела, выставив вперёд живот, словно величественная статуя Будды, и, под-

нимая светящуюся палочку, раскачивалась в такт певиче на сцене, ничуть не выглядя при этом как беременная.

В группе «Меньше болтай» в WeChat всплыло сообщение.

Гу Сяоцзюнь: @Ян И, зачем тебе, беременной, тут суетиться? Здесь так шумно, твое здоровье это выдержит?

Ян И: Я пока в порядке, дождусь розыгрыша главного приза и пойду домой.

Чжан Ваньвань: Ты же молодая госпожа из богатой семьи, зачем тебе тут поддакивать толпе? Твой Лю Далею одним движением может купить всю компанию «Хаокан Энтертейнмент».

Гу Сяоцзюнь: @Чжан Ваньвань, ты уже пришла?

Чжан Ваньвань: Да.

Ян И: Солнце с запада взошло — как ты сюда попала? Решила повеселиться вместе с народом?

Чжан Ваньвань: Мастер сказал, что сегодня мой счастливый день: если выйти из дома и пойти на восток, то произойдёт что-то хорошее.

Гу Сяоцзюнь: Отель, где проходит это мероприятие, находится прямо на севере этого города. Тебя географии учил учитель физкультуры?

Чжан Ваньвань: Прощайте!

Ян И: Побудь со мной ещё немного! Скоро будут награждать лучших сотрудников. А вдруг Сяоцзюнь снова повысят?

Гу Сяоцзюнь: Это у тебя скоро будет прибавление, будущая мама.

У Ян И постоянно дергалось веко, и она считала это предзнаменованием выигрыша.

Чжан Ваньвань села рядом с ней, налила ей чашку горячего чая и следила за тем, чтобы она не пила алкоголь.

Наконец наступило время розыгрыша главного приза — традиционной части годового собрания, которую все ждали с нетерпением. Розыгрыш лично проводил генеральный директор группы S Хуан Инань. В предыдущие годы призом был автомобиль, но позже, из-за сложностей с оформлением номерных знаков, его заменили на наличные деньги. Победитель получал сумму, равную годовой зарплате, поэтому все с нетерпением ждали розыгрыша. Однако чем больше человек ценит что-то, тем труднее это получить: два года назад этот приз достался уборщице, проработавшей в компании всего месяц, а в прошлом году — стажеру, только что получившему постоянную должность. Все были возмущены, но не имели оснований для недовольства. Удача — вещь самая реальная: есть — значит есть, нет — значит нет, и никакие мольбы здесь не помогут.

В этот момент на сцене зажглись прожекторы, и многие коллеги из задних рядов поднялись с мест, ожидая, когда генеральный директор объявит результаты розыгрыша.

Полный и коренастый Хуан Инань встал в центре сцены, и прожектор освещал макушку его головы так, что она сияла.

Гу Сяоцзюнь, сидевшая в первом ряду, воспользовалась минутой, когда никто не подходил к ней с бокалом, и подправила помаду. Она заметила, что у её босса Чжао Хая нехороший цвет лица, на лбу выступил пот, и он постоянно пил воду. Она вспомнила, как десять минут назад к нему подошла руководитель финансового отдела группы Чжэн Хун, чтобы сказать ему несколько слов, и тогда Чжао Хай, в отличие от своей обычной улыбчивой манеры, выглядел несколько раздражённым.

«Эй! Эй!» — наконец заговорил генеральный директор на сцене, голова которого сияла в свете прожектора, и пронзительный звук громкоговорителя вернул всех из радостного ожидания в реальность. «Здравствуйтесь, друзья. Сегодня все сотрудники компаний, входящих в группу S, собрались здесь, чтобы поблагодарить каждого из вас за вклад, внесённый за этот год, особенно в начале года, когда вы оставались на своих постах, продемонстрировав отлич-

ную рабочую форму и дух самоотдачи. Как всем известно, в этом году рынок в целом переживает спад, наши акции также неуклонно падают, и мы стоим перед самым сложным периодом в истории. В таких условиях задача для всех нас — помочь этому большому кораблю, которым является Группа S, проложить путь сквозь гигантские волны и выйти из-под этих тёмных туч. Я верю, что какое бы решение ни приняло руководство группы, оно будет основано на уважении к вашим усилиям и вкладу и направлено на обеспечение светлого будущего для Группы S и для всех нас».

Гу Сяоцзюнь выпрямилась — она поняла, что речь генерального директора принимает неблагоприятный оборот, и посмотрела на сидящего напротив Чжао Хая. Чжао Хай уже опустил голову, и на его макушке отчетливо виднелись седые волосы.

Генеральный директор на трибуне продолжил: «Поэтому от имени совета директоров Группы я объявляю, что мы проведем раунд реструктуризации персонала, приостановим нерентабельные направления деятельности, чтобы обеспечить положительные финансовые результаты и отчитаться перед акционерами. В первую очередь мы сократим видеобизнес: компания «Хаокан Энтертейнмент» проведет первую волну увольнений, а в дальнейшем за этим направлением будет непосредственно отвечать отдел маркетинга Группы. Отдел кадров штаб-квартиры уже направил список конкретных сотрудников, подлежащих сокращению, генеральному директору Чжао Хаю. Завтра генеральный директор Чжао организует собрание сотрудников, на котором объявит список уволенных и условия выплаты компенсаций...»

В зале мгновенно поднялся шум. Гу Сяоцзюнь не услышала ни слова из того, что говорил генеральный директор, — она только чувствовала, как её всю обдало жаром, а сердце словно упало в ледяную яму, и даже в ушах зазвенело. Подняв глаза, она увидела, что Чжао Хай напротив уже встал со своего места. Она поспешила выйти, чтобы найти его и спросить, в чём же дело, но ноги онемели, и она не могла встать. Почему в этих туфлях на каблуках с красной подошвой так трудно ходить? Стиснув зубы, она поднялась, и перед глазами всё поплыло.

Чжан Ваньвань поддержала её сзади: «Сяоцзюнь, ты в порядке?»

Гу Сяоцзюнь махнула рукой: «Я в порядке. А где старик Чжао?»

Чжан Ваньвань: «Как я могу о нём думать? Снаружи уже начались беспорядки, даже охрана вышла. Давай поспешим, а вдруг начнутся драки — не хотелось бы попасть под перекрестный огонь! Ян И уже ушла на парковку, её водитель ждёт нас у входа. Если задержимся ещё чуть-чуть, то даже из отеля не выйдем».

Чжан Ваньвань, удерживая Гу Сяоцзюнь за руку, поспешно пробилась сквозь толпу и столкнулась лицом к лицу с несколькими коллегами из отдела развлечений. Те бросились к ней и стали перебивая друг друга спрашивать: «Генеральный директор Гу, компания действительно обанкротится?» «Генеральный директор Гу, что нам теперь делать?» «Почему об этом не было ни слова?» «Будут ли какие-то компенсации?»

Гу Сяоцзюнь не отвечала ни на один из обрушившихся на неё вопросов, достала из золотистой сумки солнцезащитные очки и надела их, словно тёмные стёкла могли скрыть от неё суестьющую толпу.

Вся компания, бегом пробравшись к машине Ян И, едва успела устроиться, как водитель, нажав на газ, уехал на значительное расстояние.

«Что это за ситуация? Слишком неожиданно!» — пожаловалась Чжан Ваньвань.

«Да, да, почему так прямо объявили о банкротстве компании? Разве нужно было действовать так жестко, только чтобы не проводить розыгрыш?» — Ян И все ещё не могла прийти в себя.

«Мастер сказал, что сегодня меня ждет что-то хорошее, поэтому я и вышла из дома. А теперь вот, что получилось: ежегодный ужин превратился в прощальный», — сказала Чжан Ваньвань, снимая пальто и вытирая пот.

«Ты стала свидетельницей настоящего спектакля — вот что значит „когда дерево падает, обезьяны разбегаются“. Группа компаний действительно способна на такое. Сяоцзюнь, ты и старик Чжао ничего об этом не знали?»

«Если бы я знала об этом, то сегодня не купила бы новую сумку», — пробормотала Гу Сяоцзюнь, не дозвавшись до Чжао Хая по телефону.

«Сумка действительно красивая, этот золотистый цвет так блестит», — Ян И взяла сумку из рук Гу Сяоцзюнь и стала её рассматривать.

«Тебе не стоило покупать желтый, смотри, компания теперь в упадке!» — с серьезным выражением лица сказала Чжан Ваньвань, которая обычно верила в суеверия.

Гу Сяоцзюнь не могла улыбнуться. Она перестала пытаться дозвониться до Чжао Хая — в этот момент он наверняка тоже был в полной растерянности. На звонки и сообщения от Ань Я и других подчинённых она отвечала одинаково: «Ориентируйтесь на официальную информацию компании, подробности о завтрашнем общем собрании будут сообщены позже».

Машина качалась на дороге, а за окном клубился туман, плотно обволакивавший город и не дававший ему дышать. Вдоль прямой дороги тянулись два ряда фонарей с желтоватым светом, а в небе не было видно ни одной звезды.

Машина тихо ехала, три женщины в салоне молчали, каждая погруженная в свои мысли.

Ян И была полна негодования: когда-то она была блестящей актрисой, но из-за неудач в карьере вышла замуж; после рождения первого ребёнка не захотела сидеть дома и устроилась на нынешнюю работу координатора артистов, пытаясь восстановить баланс в жизни. Неважно, гладко ли идёт работа и высока ли зарплата — главное, чтобы она могла доказать свою ценность. Если уж на то пошло, она и сама толком не знала, сколько получает. Но при мысли о предстоящем сокращении она не могла не почувствовать разочарования.

Она до сих пор помнит, как за день до возвращения на работу её муж Лю Далеи заказал для неё минивэн, чтобы водитель каждый день возил её на работу и обратно, но она категорически отказалась: «Я иду на работу, чтобы зарабатывать деньги, а не ходить по магазинам. Работник должен выглядеть как работник».

Лю Далеи, услышав это, улыбнулся: «Тогда ты поедешь на метро?»

Тогда Ян И вспомнила, что живет в районе вилл, а ближайшая станция метро находится в трех километрах от дома. Она дважды кашлянула и с серьезным видом ответила: «На метро тоже неудобно. Я слишком красивая, и создавать пробки — это нехорошо. Лучше я поеду на своей машине». Итак, Ян И вместе с Лю Далеи выбрала в гараже красный MINI Cooper, отыскала свои водительские права, пылящиеся там много лет, с видом полной самоуверенности села в машину, а сев в салон, пощупала то тут, то там, достала телефон и сначала сделала селфи. Посмотрев на свою прекрасную фотографию, она осталась весьма довольна, а затем спросила Лю Далея: «А где тут педаль газа?»

После того как Лю Далеи лично показал ей, как водить машину, Ян И научилась более-менее уверенно держаться за рулём. Парковаться задним ходом она пока умела плохо, но решила, что это не страшно — сначала доедет до компании, а там, в крайнем случае, попросит кого-нибудь помочь ей припарковаться. На следующий день она нарядилась с иголочки — её образ городской красавицы привлекал всеобщее внимание — и весело отправилась в путь. Всё шло гладко, но, когда до компании оставалось всего два перекрёстка, произошла неприятность. Она на мгновение рассеялась и свернула не на ту полосу; когда попыталась перестроиться, машина сбоку никак не уступала ей дорогу. Она, раздражённая, постоянно сигналила, но водитель оставался равнодушным.

Понимая, что вот-вот опоздает, она сразу опустила стекло и зарычала на водителя: «Ты что, так неловко водишь? Разве ты не смотришь по сторонам? До каких пор ты будешь ехать рядом со мной? Не можешь пропустить меня?» Поскольку все её внимание было сосредоточено на словах, она не удержала руль, и две машины буквально «познакомились» вблизи. Это было

как масло в огонь. Ян И вышла из машины, чтобы выяснить отношения. Из противоположной машины вышел мужчина, осмотрел царапины на кузове и сказал Ян И: «Уезжай, я не буду вызывать полицию. Перестроение с целью пропуска едущего прямо — если приедет дорожная полиция, вина будет полностью на тебе. У нас у обоих есть страховка, так что ладно, тебе спешишь, езжай».

Эти слова, по мнению Ян И, были настоящим пренебрежением к ней как к женщине за рулём. От возмущения у неё чуть не подпрыгнули брови, которые она так старательно рисовала утром. Посмотрев на время, она поняла, что действительно опаздывает, и у нее нет времени спорить с собеседником. Она развернулась, села в машину и уехала. Проехав два круга по подземной парковке компании, она с трудом нашла свободное место, но никак не могла припарковаться. Когда она уже собиралась бросить машину и уйти, мужчина, с которым она столкнулась на дороге, появился сзади её машины. Мужчина подошёл и постучал в окно. Увидев его, Ян И сразу же взбесилась: «Что, пожалел? Хочешь вызвать полицию? Вызывай!»

Мужчина улыбнулся, указал на табличку над головой с надписью «Фиксированное парковочное место» и сказал: «Красавица, это моё парковочное место».

«Ну и что, что у тебя есть парковочное место! Помоги мне найти место, где я смогу припарковаться, и это место, конечно же, будет твоим!» Ян И не собиралась уступать: сегодня был её первый рабочий день, и она намерена была сделать большую карьеру на верхнем этаже этого офисного здания, поэтому ни в коем случае не могла потерпеть поражение ещё в подземном паркинге. Мужчина отнесся к этому с большим энтузиазмом: не говоря ни слова, он попросил Ян И выйти из машины, помог ей припарковаться на месте напротив, а затем поставил свою машину на своё место и с шиком вошёл в лифт.

«Чёрт возьми!» — проклянула про себя Ян И.

Ян И специально подождала ещё один рейс лифта, чтобы избежать встречи с этим раздражающим её мужчиной, но, войдя в конференц-зал, она окончательно ошеломилась: этот мужчина был не кем иным, как главой компании, начальником Гу Сяоцзюнь — Чжао Хаем. Так что «легенда» о том, как в первый рабочий день она врезалась в машину начальника, заняла его парковочное место и, ведя себя как нахалка, заставила его припарковать её машину, разлетелась по всей компании, и Ян И без труда стала центром внимания. Именно благодаря такому открытому и прямолинейному характеру она отлично устроилась в компании и пользовалась огромной популярностью. В мгновение ока прошло три года. Сейчас Ян И через несколько месяцев родит второго ребёнка, и, как бы ни было ей тяжело из-за увольнения, она уже не может об этом думать. Её по-настоящему беспокоит, как Гу Сяоцзюнь и Чжан Ваньвань будут справляться без работы? Гу Сяоцзюнь такая целеустремлённая, как она сможет принять эту реальность? Чжан Ваньвань тоже нелегко, ведь сейчас в отрасли не лучшие времена.

Чжан Ваньвань же не так переживает, как Ян И. Она человек беззаботный: в ранние годы, когда в издательском деле шли дела хорошо, ей, как автору колонки о межличностных отношениях, имевшей небольшую известность, вполне хватало гонораров и роялти для жизни; позже, когда ситуация в издательском деле ухудшилась и книги перестали продаваться, она так и не отказалась от привычного комфортного образа жизни. Она переквалифицировалась в сценаристку, и надо сказать, что ей действительно повезло: в одном и том же году два суперпопулярных сериала на женскую тематику были написаны именно ею. Она начала задирать нос, смотреть на людей свысока, презирать «горячие деньги» в индустрии и заявлять, что намерена оставаться верной своим убеждениям и не поддаваться давлению капитала, из-за чего нажила много врагов среди коллег и кинокомпаний. Но жизнь полна взлетов и падений, и её благополучные дни пошли ко дну из-за одного мужчины.

В те времена этот мужчина был малоизвестным режиссёром, и она преданно следовала за ним несколько лет, пока однажды он не сообщил ей, что собирается жениться на подруге детства из семьи деятелей искусства. Чжан Ваньвань не раз теряла надежду, забросила все про-

екты, а деньги на штрафы за расторжение контрактов утекали так же быстро, как она опустошала бокалы красного вина. Позже этот мужчина добился некоторого успеха, вернулся к ней и стал приставать к ней. В результате разлетелись слухи, она стала печально известной, постепенно смирилась с реальностью и перестала высокомерно стремиться к искусству — главное, остаться в живых.

Она работала в «Хаокан Энтертейнмент» исключительно ради отчислений в фонд социального страхования и получения квоты на покупку жилья, намереваясь приобрести собственную квартиру. Она долго размышляла над покупкой жилья: сначала ей казалось, что аренда даёт свободу, а ипотека — это большая нагрузка, ухудшающая качество жизни, пока слова Гу Сяоцзюнь не открыли ей глаза: собственная квартира — это гарантия уверенности в завтрашнем дне. Здесь недвижимость не теряет в цене, и если в будущем она не захочет больше жить в этом городе, то, продав квартиру, сможет уехать с приличной суммой денег. Она не испытывала особой привязанности к этому городу — приехала сюда только из-за одного мужчины, а теперь этот мужчина причиняет ей боль. Если однажды их шаткие отношения действительно развалятся, ей будет все равно, куда уехать: пока она может писать, её имя — это визитная карточка, с которой можно зарабатывать деньги, и ей не придётся беспокоиться о еде и одежде. Поэтому Чжан Ваньвань рассчитывала, что в случае увольнения социальное страхование не должно прерываться — нужно найти место, где можно будет продолжить его оплачивать.

Однако, если посмотреть с другой стороны, Чжан Ваньвань работала в «Хаокан Энтертейнмент» не только ради того, чтобы найти организацию, в которой можно было бы платить взносы в систему социального страхования. За эти несколько лет в «Хаокан Энтертейнмент» Чжан Ваньвань добилась определённых успехов в карьере. Она работала как печатная машинка: писала всё, что было в тренде, не выбирая темы, и сдавала статьи высокого качества. Она лишь любила затягивать со сдачей материалов. Но даже тот «безмозглый» мелодраматический сериал, который она писала, зажав нос, — именно такие сюжеты она раньше презирала больше всего, — неожиданно стал хитом того года. Её сценарии получали одобрение заказчиков, СМИ восхваляли её и публиковали пресс-релизы с заголовками вроде «Все, что пишет Ваньвань, — шедевр». Многие продюсеры уже не обращали внимания на её репутацию и хотели переманить её для написания сценариев — даже если бы она просто давала советы или её имя фигурировало в титрах, это уже позволяло бы продать сериал дороже. Но отличные работы не означают, что у человека нет проблем. Самая большая проблема Чжан Ваньвань заключалась в том, что она не ладила с коллегами в компании.

Во-первых, она никогда не соблюдала правила компании, а то и вовсе игнорировала их: ни учет рабочего времени, ни оценка эффективности, ни рабочие процедуры — для неё всё это не имело никакого значения. Если кто-то указывал ей на нарушение правил, она тут же выходила из себя, собиралась уходить в любой момент, ставя собеседника в крайне неловкое положение.

Во-вторых, в ранние годы она нажила слишком много врагов. В то время она была на пике популярности и совершенно не обращала внимания на замечания, которые редакторы-рецензенты или другие коллеги высказывали по поводу её сценариев. Когда ей высказывали замечания, на её лице словно были написаны три больших иероглифа: «Тебе что-то не нравится?» Если какой-нибудь недальновидный редактор осмеливался поспорить с ней, она прямо отвечала: «Вы когда-нибудь писали сценарии? И вы мне даёте советы?»

Тот не сдавался: «Я не писал, но я смотрел много сериалов, поэтому у меня есть право высказаться».

«Анестезиолог тоже видит много пациентов, но разве он может во время операции сразу взяться за скальпель? Нельзя просто написать рецензию на Douban и уже давать советы сценаристу. Мой сценарий предназначен для режиссёра, актёров и творческой группы — главное,

чтобы они его поняли. Какая польза от того, что я пишу витиевато, если это невозможно экранизировать?»

После нескольких безуспешных попыток договориться она тоже устала от этого и решила прямо высказаться на общем собрании: «Если вам не нравится, как я пишу, просто рассчитайтесь со мной, и вам больше не придётся смотреть на эту ерунду, которую я пишу».

Но колесо судьбы вращается: те заказчики, режиссёры, коллеги и младшие коллеги, которых она когда-то обидела, в период бурного развития индустрии в большинстве своём рано взлетели на вершину пирамиды, и даже её бывшая ассистентка теперь работает сценаристом, получающим гонорар за каждый эпизод. Теперь, как только кто-то видит три иероглифа «Чжан Ваньвань», мнения всех хлынут, как приливная волна, и кажется, что они готовы прорвать сценарий, чтобы прямо указывать пальцем на Чжан Ваньвань и ругать её, из-за чего она теперь всё меньше верит в свои сценарии.

В-третьих, она ни за что не заработает деньги, которые ей не полагаются. Профессиональный принцип Чжан Ваньвань заключается в том, что лучше вообще не работать, чем обманывать людей, и она ни за что не станет «сценаристом-конспектистом». Так называемый «сценарист-конспектист» — это тот, кто на начальном этапе «находит общий язык» с заказчиком, удовлетворяет все его требования, быстро разрабатывает конспект, а после его завершения получает деньги и на этом все. Как только у заказчика появляются другие требования, он немедленно отказывается от дальнейшей работы над проектом и быстро берется за следующий сериал.

Такой подход к работе — «быстро, просто и эффективно» — приносит немалый доход, а вот сможет ли сценарий быть дописан до конца, зависит от способностей и финансовых возможностей заказчика. Поэтому, когда заказчик выдвигает новую идею, Чжан Ваньвань, как только замечает в ней проблему, сразу же об этом говорит, ставя собеседника в тупик. Такое её отношение обусловлено не врождённой злобностью или упрямством, а её системой ценностей, в которой простота и прямота являются проявлением искренности — никакой двусмысленности в позиции, никакого уклонения от проблем. Людей, умеющих лавировать, слишком много, и они ничего не стоят. Искренность — вот что бесценно. Конечно, она понимает, что таким образом может ранить чьи-то «хрупкие чувства» и оттолкнуть «папочку-спонсора», но она будет действовать конкретно, выкладываясь на полную и добиваться удовлетворительного результата для партнера. Если она согласилась взяться за работу, то доведёт её до конца, даже если это будет стоить ей жизни. Днём она будет с тобой ругаться и грозить, а ночью — работать до поздней ночи. По словам Ян И, «Чжан Ваньвань — это та, кто говорит самые «мрачные» вещи, но делает самые надёжные дела». По словам Гу Сяоцзюнь, «меня прозвали «чёрной вдовой шоу-бизнеса», а Чжан Ваньвань следует называть «Мастерицей Истребления в мире сценаристов»».

Из этой тройки самые сложные чувства испытывает Гу Сяоцзюнь. Она пробилась от репортёрки в сфере развлечений до того, что имеет сегодня, и те испытания, через которые ей пришлось пройти, трудно даже представить. Женщине, стремящейся к успеху, приходится постоянно сталкиваться не только со сплетнями, но и с открытыми и тайными нападками. Все говорят, что она — «чёрная вдова шоу-бизнеса», мрачная и безжалостная, но она знает, кто она такая. Успех или провал «Хаокан Энтертейнмент» означает её собственный успех или провал.

Существует множество факторов, определяющих перспективы компании: финансирование, персонал, прибыль, рыночные риски, изменения в политике, но когда речь идёт об успехе или провале одного человека, все эти оправдания бесполезны, потому что ответственность за результат лежит исключительно на ней самой. Она прекрасно понимала, что в последние два года показатели «Хаокан Энтертейнмент» уступали прежним: длинные видеоролики оказались под давлением коротких, производственные затраты так и не удалось снизить, звезд первого эшелона пригласить сложно, наблюдается дефицит молодых актёров, а производственные ком-

пании появляются как грибы после дождя, что приводит к ожесточённой конкуренции — все эти проблемы сдерживали развитие «Хаокан Энтертейнмент». Компания переживает период стагнации, и определенные корректировки необходимы, но ликвидировать целую компанию? Группа действует слишком безжалостно, и ей кажется, что в этом обязательно есть какая-то подвох.

Помимо профессионального недовольства, с личной точки зрения, сейчас она стоит на вершине своей карьеры: сможет ли она подняться ещё выше — неизвестно, но вниз она идти не может — она не готова принять провал в своей карьере. Карьера — это её чувство безопасности, единственное в её жизни, что можно измерить. Она не смеет представить, как к ней будут относиться окружающие, когда компания объявит о закрытии и она лишится статуса женщины-руководителя. Особенно в шоу-бизнесе, где принято возвышать одних и принижать других: как отнесутся к ней те, кого она когда-то обижала, кому отказывала, и те, кто когда-то возносил её на небеса, увидев, что группа отказалась от неё? Чем выше поднимаешься, тем болезненнее падение — этот принцип она понимает лучше всех. Отбросив собственные опасения, ей больше всего хотелось бы узнать, почему она сама не услышала ни малейшего намека на это решение группы — это слишком странно. Судя по тому, что происходило сегодня вечером, её босс Чжао Хай тоже узнал об этом в последнюю минуту. Она хорошо знала Чжао Хая: хотя он и был человеком весьма расчётливым, он не стал бы скрывать от неё столь важное событие, ведь это не принесло бы ему никакой выгоды. Если концерт действительно решил не выдать свои планы и полностью уничтожить «Хаокан Энтертейнмент», то Чжао Хай тоже станет жертвой. Шахматная доска опрокинута, и именно его фигура улетит дальше всех.

Действительно, зима безжалостна: даже самый яркий фейерверк развеется ветром, превратится в синеватый дым и исчезнет в ночи, оставив лишь едкий запах пороха, который, смешиваясь с холодным ветром, проникает в ноздри и вызывает желание чихнуть.

После того как трое обменялись краткими словами поддержки, они собрались расходиться, договорившись встретиться завтра на общем собрании сотрудников компании, чтобы вместе противостоять предстоящим неприятностям. Ян И заявила, что готова идти с подругами до конца, и пообещала, что, если ничего не получится, просто купит «Хаокан Энтертейнмент». Чжан Ваньвань утешила Гу Сяоцзюнь, сказав, что распад компании — это даже к лучшему: так не придётся вступать в интриги с кучкой мелочных мужиков, а заниматься чем-то самостоятельно всегда лучше, чем ходить на работу. Гу Сяоцзюнь обняла обеих и заверила их, что она сильна духом и не дойдет до крайних мер — пусть завтрашние проблемы останутся на завтра.

Расставшись, Гу Сяоцзюнь отправила Ши Мо свое местоположение, и через несколько минут он появился перед ней.

Высокая фигура Ши Мо была просто потрясающей, а его лицо было размером с ладонь Гу Сяоцзюнь, с чертами, словно высеченными из камня. Гу Сяоцзюнь не удержалась и, взойдя на ступеньку выше, погладила его по щеке; увидев, что один из самых востребованных супер-моделей Азии сейчас рядом с ней, ей стало немного спокойнее.

— Разве не говорили, что сегодня вечером у тебя мероприятие в компании и ты не вернёшься? — спросил Ши Мо.

«Скучала по тебе, боялась, что ты снова улетишь, поэтому поспешила вернуться, чтобы увидеться с тобой». Эта фраза совсем не похожа на то, что обычно говорит Гу Сяоцзюнь, но в этот момент, произнесённая ею спокойным, но очень сексуальным тоном, она звучала совершенно по-другому.

Ши Мо с улыбкой прижал её к себе, наклонился и поцеловал в лоб, а затем взял её за руку. Другую руку он держал в кармане куртки, крепко сжимая бархатную коробочку, в которой лежало обручальное кольцо. Он специально заказал его у лучшего местного мастера, когда был в Италии. На платиновом кольце был закреплён большой бриллиант, а на внутренней стороне кольца были выгравированы имена обоих.

Изначально он хотел сделать ей предложение — слова «выйди за меня» в последнее время часто всплывали в его голове, и он постоянно представлял себе этот момент: он опускается на одно колено, смотрит на неё, подняв голову, и произносит эти три слова. Он знал, что Гу Сяоцзюнь не любит романтики, и сам привык к беззаботной свободе, но почему-то он всё время мечтал об этом моменте — он хотел, чтобы Гу Сяоцзюнь навсегда осталась рядом с ним, чтобы он всегда мог крепко держать её руку, на которой будет сидеть это кольцо.

Он знал, что сегодня не подходящий момент. По дороге сюда он увидел новость о том, что агентство «Хаокан Энтертейнмент» скоро распадется, и понимал, что Гу Сяоцзюнь сейчас, наверное, не в лучшем настроении — ей нужно собраться с мыслями и разобраться с проблемами на работе. Лучше подождать, пока дождь пройдет и небо прояснится, — тогда будет более уместно достать это кольцо.

Гу Сяоцзюнь не заметила, что с Ши Мо что-то не так. Она шла быстрыми шагами, время от времени поворачивая голову в сторону Ши Мо, и они обменивались улыбками. Ши Мо был самым дорогим для Гу Сяоцзюнь мужчиной, которого она встретила за последние два года — или, вернее, мальчиком, ведь по возрасту Ши Мо вполне мог бы быть её племянником, но он не был таким же беззаботным, как его сверстники. Ши Мо отличался зрелостью мышления и сдержанностью в поведении. Всякий раз, когда Гу Сяоцзюнь было грустно, ей хотелось прижаться к Ши Мо, словно заряжаясь энергией.

Чем больше она была внутренне раздражена и беспокойна, тем больше ей требовались острые ощущения — подобно тому как алкоголь притупляет боль, а сильные эмоции успокаивают душу.

В ночном городе, помимо этих трёх женщин, ещё много людей столкнулись с сокращениями — например, сотни сотрудников «Хаокан Энтертейнмент». Среди них были только что устроившиеся выпускники вузов, недавно получившие повышение руководители отделов, опытные сотрудники, не раз менявшие работу, и ветераны компании. Профессиональные амбиции, необходимость зарабатывать на жизнь и личные переживания в эту ночь обрушились с особой яростью, навалившись сверху и застигнув людей врасплох, пока те не онемели.

Хорошие новости не выходят за пределы дома, а плохие разлетаются на тысячи миль — «Хаокан Энтертейнмент» мгновенно попала в топ поисковых запросов. Об этом говорили в «Моментках», на Weibo, в Douyin и в группах на Douban; пользователи набрасывались на эту сенсацию, словно те, кто не разберётся во всём до утра, упустят целое состояние.

Большинство просто наблюдали за зрелищем, аплодировали и говорили, что компании, выпускающие плохие фильмы, давно уже должны были обанкротиться; были и те, кто с ностальгией перечислял сериалы и фильмы, выпущенные «Хаокан Энтертейнмент», и легендарные истории о создании звезд, сетуя на то, что ещё одна эпоха в этой индустрии подходит к концу; только немногие трезво проанализировали финансовые отчёты Группы S, провели сравнительный анализ показателей по различным направлениям деятельности «Хаокан Энтертейнмент», проявив при этом больше тщательности, чем сами финансисты, составили подробные таблицы и пришли к выводу: модель развития «Хаокан Энтертейнмент» устарела, запас контента недостаточен, невозможность привлечь звёзд первого эшелона негативно сказывается на прокате, а одних доходов от продажи прав телеканалам и видеоплатформам недостаточно для получения прибыли и привлечения дальнейшего финансирования. Группа S решила, что лучше перенести кратковременную боль, чем мучиться долго, и направить ограниченные средства в более перспективный с точки зрения рынка сектор новых источников энергии.

Однако эпоха не закончится только из-за краха одной развлекательной компании: пока есть люди, развлечения никогда не исчезнут. Когда одна компания обанкротится, на её место придут бесчисленные новые компании — всегда найдутся те, кто захочет заниматься этим бизнесом. Никто, включая сотрудников «Хаокан Энтертейнмент», не знает, как спасти эту кино- и

телекомпанию, существовавшую десять лет и создавшую бесчисленные «хиты», — всё зависит от воли судьбы.

Возможно, даже небеса не хотят брать на себя эту «ответственность» и с удовольствием создают ещё больше проблем, наблюдая, как эта группа людей бежит по кругу.

В полночь все сотрудники «Хаокан Энтертейнмент» получили уведомление от компании:

15-го числа этого месяца в 10:00 утра в конференц-зале № 1 компании состоится общее собрание сотрудников. Из 300 сотрудников компании 10 будут оставлены на работе: они перейдут в отдел маркетинга концерна, где продолжат отвечать за бизнес концерна, либо будут переведены в функциональные подразделения других компаний. С остальными сотрудниками трудовые договоры будут расторгнуты; конкретный список и условия компенсации будут объявлены на месте проведения собрания.

Ян И, пойдя ночью в туалет, заодно взглянула на телефон и, прочитав это сообщение, воскликнула: «Из 300 останется 10! Почему это напоминает шоу „Супердевушка“?»

Чжан Ваньвань, не спав всю ночь, писала свою колонку. Услышав звук уведомления на телефоне, она бегло пробежала глазами по сообщению и прокляла про себя: «У этих из отдела кадров что, мозгов нет? Посылать такое уведомление посреди ночи — это что, спать не дадут? Даже перед закрытием компании не хотят оставить у сотрудников хорошее впечатление — лучше бы и не работали».

Гу Сяоцзюнь уже давно уснула в объятиях Ши Мо. Во сне ей вспомнилось одно событие из прошлого — тогда она ещё была репортёршей и, притаившись с фотоаппаратом в темном подъезде, ждала появления самой популярной на тот момент поп-звезды. Она смутно услышала шаги, затем раздался разговор мужчины и женщины, но содержание разговора ей так и не удалось разобрать, а вслед за этим раздался пронзительный крик. Гу Сяоцзюнь увидела, как нож блеснул в лунном свете. В реальности Гу Сяоцзюнь была вся в поту и крепко обнимала руку Ши Мо. Ши Мо понял, что ей снова приснился кошмар, и, нежно поглаживая её по плечу, прошептал ей на ухо: «Всё в порядке, всё в порядке, я с тобой».

В этом северном городе зима сухая и холодная, снег выпадает редко, небо часто бывает серо-туманным, но сегодня было необычайно ясно.

В одной из вилл на окраине города Ян И, по-прежнему выглядящая как аристократка, с трудом поднимала на руки свою трёхлетнюю дочь. Ребёнок не переставал кричать, и, не в силах его утихомирить, Ян И без раздумий убавила звук утренних новостей на телевизоре до минимума.

С момента зачатия и до сих пор она ни разу не выпалась как следует. Она до сих пор не могла понять, почему родила первого ребёнка в тридцать лет, а теперь, когда старшая только-только пошла в детский сад, она снова беременна вторым — это, несомненно, заговор этого мужчины, Лю Далея.

Пока она одевала старшую дочь, эта пухленькая девочка держала во рту ложку, а щеки у неё надулись, словно у белки, укравшей горсть арахиса.

«Быстрее выплюнь ложку, одевайся, пора в детский сад!»

— «Мамочка, я не хочу в детский сад!»

— Все остальные дети идут в детский сад, а учительница спросит: «Почему малышка Лю Цзытун не пришла?»

«Эх, мама, тогда скажи, что я потерялась!»

Эта пухленькая девочка Лю Цзытун с выражением обиды на лице произнесла, пожалуй, первую в своей жизни по-настоящему философскую фразу — с детской непосредственностью и неожиданным смирением, как будто она хотела забыть о всех на свете. Ян И не знала, смеяться ей или плакать. С трудом, выпятив живот, она наконец одела старшую дочь, как тут будущая младшая дочь ощутимо пнула её изнутри, словно пытаясь привлечь к себе внимание. Не выдержав боли, она громко ругала мужа: «Лю Далея, ты, чертов ублюдок! Куда ты, черт

возьми, пропал? Я же опоздаю на работу! Старшая не слушается, младшая не сидит на месте — и мне одной с ними справляться?! Ты что, в туалете яйца несешь? Если есть смелость, прячься там всю жизнь и не вылезай!»

Лю Далея был толстяком; он распахнул дверь ванной животом, вышел, подтягивая штаны и переваливаясь с ноги на ногу, словно утка, с остатками зубной пасты на подбородке и широкой улыбкой: «Дорогая, я пришел! Посмотрю, кто тут обижает мою жену!» К этому времени няня Лили уже помогла дочке одеться. Та недовольно буркнула: «Я сама!»

Лю Далея сиял от счастья, словно съел какое-то «волшебное зелье», и продолжал заискивать перед женой: «Дорогая, ты сегодня опять идешь в компанию? Это так утомительно. Я только что смотрел новости — твоя компания вот-вот обанкротится. Давай не будем туда ходить, там только нервы портишь. Та небольшая компенсация ничего не компенсирует, давай откажемся от неё — так мы хоть немного облегчим бремя группы S».

«Лю Далея, ты же ждал этого дня, да? То, что я потеряла работу, тебе как раз на руку — ты хочешь, чтобы я сидела дома, ухаживала за мужем и воспитывала детей! Ты просто безнравственный!»

«Почему я опять безнравственный? Я же не виноват в том, что компания плохо управляется! Дорогая, просто сейчас неблагоприятная рыночная конъюнктура. Я же говорил тебе ещё в прошлом году: кино- и телеиндустрия сейчас в упадке, у обычного бизнеса нет денег — откуда им взяться на кино и телевидение? Давай будем практичнее и займёмся ресторанным бизнесом. Люди могут и не смотреть телевизор, но есть-то им всё равно нужно».

«Ты только и знаешь, что есть! Посмотри, как ты растолстел, срочно сбрось вес, мне даже жарко, когда я сплю рядом с тобой! Ты зарабатывай свои деньги, а я займусь своим делом — мы не будем мешать друг другу!»

«Хорошо, хорошо, занимайся своей карьерой, занимайся. В любом случае, ты скоро родишь, так что надолго тебе это не хватит». Сказав это, Лю Далея самодовольно сел за обеденный стол и принялся завтракать.

Когда Ян И заговорила о карьере, она сама почувствовала неловкость. В глазах посторонних она была всего лишь актрисой третьего плана, рано ушедшей из шоу-бизнеса, чтобы выйти замуж. За пять лет в профессии у неё не было ни одной знаковой роли, а за пять лет в браке скоро родится второй ребёнок — дети стали главным достижением её тридцатилетней жизни. Сначала она просто не хотела сидеть дома без дела, целыми днями крутиться вокруг плиты, теряя умственные способности и всё больше отставая от общества, поэтому решила вернуться к работе. Об актёрской карьере не могло быть и речи: актрисам, вышедшим замуж и родившим детей, очень трудно получить хорошие роли, и Ян И ни за что не хотела этого. К тому же, в стране столько актрис, которым не хватает ролей, что она действительно не хотела снова погружаться в эту грязь и сражаться до последней капли крови с кучей молодых девчонок. Лю Далея насмеялся, что ей не найти работу, и советовал просто сдаться. Ян И поспорила с ним, что обязательно найдет работу в течение недели, но всё оказалось именно так, как говорил Лю Далея: вернуться на работу после родов действительно непросто. Лучший выход — это открыть собственное дело или заняться бизнесом, но у Ян И иногда даже таблица умножения сбивается с места, так что без помощи знакомых и связей ей не обойтись.

Её идея вернуться на работу сразу же получила поддержку Гу Сяоцзюнь. У неё недавно появился отдел по сотрудничеству с артистами, и как раз не хватало человека со связями в шоу-бизнесе, широким кругозором и энтузиазмом. Поэтому она без особых хлопот устроила подругу в компанию «Хаокан Энтертейнмент», поручив ей отвечать за интеграцию ресурсов артистов. Эта должность полностью устроила Ян И — она словно была создана специально для неё. В конце концов, она когда-то вращалась в шоу-бизнесе, и хотя в последние годы её связи с людьми из этой среды ослабли, у неё всё ещё остались друзья, активно работающие в индустрии. К тому же в этой отрасли нет строгого графика работы: ей не нужно отмечаться

при приходе и уходе, достаточно лишь еженедельно отчитываться о проделанной работе, что оставляет ей время уделять внимание мужу и детям. Это решение сначала не нашло поддержки у мужа Лю Далея. Он сказал, что она не ценит то, что имеет, что работа только доставит ей лишние хлопоты, и что нет никакой необходимости уходить из дома, чтобы обслуживать босса, вместо того чтобы заботиться о детях.

Ян И заранее приготовила веские аргументы: женщина должна неустанно стремиться к самосовершенствованию и обязательно держать на себе половину неба; отсутствие собственной карьеры — это медленное самоубийство; только финансовая независимость позволяет держать спину ровно, а не просить деньги у мужа; к тому же обслуживать босса гораздо проще, чем ухаживать за детьми, ведь не нужно нести ответственность за всю его жизнь. Эти «три аргумента» убедили Лю Далея. У Лю Далея было только одно требование: не приносить рабочие эмоции домой. В этом Ян И совершенно не преуспела: она часто кормила ребёнка дома, одновременно ругаясь по телефону с кем-то, и выглядела при этом так серьезно и напряженно, словно вела дипломатические переговоры, из-за чего вся семья боялась открыть рот. Хотя поиск актёров для съёмочной группы не представлял для неё трудностей, управление сложными межличностными отношениями и ведение переговоров действительно вызывали у неё раздражение. Поэтому, в целом, надеяться на грандиозную карьеру в этой сфере было несколько наивно. Она сама догадывалась, что в списке уволенных из «Хаокан Энтертейнмент» обязательно окажется и её имя.

После обеда Лю Далея сел за руль и вместе с няней Фан Лили отвёз старшую дочь в детский сад. Фан Лили ему порекомендовала дальняя родственница; ранее она работала в семье одной популярной актрисы и имела большой опыт. Ян И считала её честной и приличной; хотя она и не могла сравниться с её родной сестрой, в целом заслуживала доверия. В любом случае, она была лучше, чем её родная мать, госпожа Цзиньхуа. Кто знает, может быть, госпожа Цзиньхуа сейчас как раз сидит за столом для маджанга в чьём-нибудь доме и всех разгромила. В первый же день, когда она узнала о беременности дочери, госпожа Цзиньхуа прислала поздравительное сообщение, полное радости и слёз, а затем резко сменила тон, подчеркнув, что всю жизнь не собиралась никому подчиняться — иначе бы не развелась с её отцом так рано, — и заявила, что у неё тяжелая судьба, ей суждено жить в одиночестве и скитаться, поэтому лучше держаться подальше от детей, чтобы не доставлять дочери и внуку хлопот и не приносить им несчастья.

Ян И слишком хорошо знала характер своей матери: она обожала выходить замуж и была мастером разводов; каждый её брак был бурным и ярким — от пустынь Северного Сина до водно-болотных угодий Южного Янцзы повсюду оставались свадебные фотографии госпожи Цзиньхуа. Она искренне любила фотографироваться в свадебном платье и обязательно заказывала 24-дюймовые отпечатки, чтобы повесить их на стену; при ссоре или разрыве отношений она разбивала рамку и вырывала из фотографии изображение жениха.

Такое увлечение — это стремление к личному счастью, и Ян И, как дочь, не имеет права вмешиваться, но госпожа Цзиньхуа слишком ненадёжна, и есть одна вещь, которую Ян И не может простить: любая более надёжная мать не позволила бы своей дочери зваться Ян И. Имя «И» пятьдесят процентов людей читают как «Вэй», сорок девять процентов не знают, как его читать, а тех, кто произносит его правильно, она до сих пор не встречала. Именно из-за этого имени над ней смеялись с самого детства. Позже, поступив в художественную школу и подписав контракт с агентством, агент, посчитав её милой, решил, что ей стоит пойти по пути «королевы милости», и предложил ей сменить имя на «Ян Мяоко», а английское имя — на «Мисо», благодаря чему она стала выглядеть на несколько уровней более «западной».

Под этим модным и милым именем «Мисо» она снялась в трёх сериалах: в одном играла любовницу, в другом — девушку из публичного дома, а в третьем наконец-то стала «нормальной» героиней, но оказалась немой — в первых трёх сериях у неё не было ни одной реплики,

а в четвёртой она погибла. Показывать эти сериалы родственникам и друзьям было попросту неловко. Раньше она часто собирала всех вместе, и все с большим интересом собирались перед телевизором, чтобы посмотреть сериал, но как только на экране появлялась Ян И, все попадали в неловкое положение. Позже Ян И просто перестала рассказывать госпоже Цзиньхуа, в каких сериалах снимается. На самом деле это вызвало у Ян И некоторое чувство неполноценности: она понимала, что до мечты стать выдающейся актрисой ей ещё далеко. Однажды глубокой ночью, проснувшись от сна, она вдруг осознала: в жизни недостаточно быть просто милой, ей ещё слишком далеко до этого, а путь к мечте устлан терниями. Чем больше она думала, тем больше чувствовала усталость и беспомощность. Глядя на два ряда дизайнерских сумок, купленных через промежуточного покупателя, в своём шкафу, она разрыдалась и плакала всю ночь напролёт. До рассвета она приняла решение: раз это так сложно, то лучше просто сменить мечту.

В тот момент, когда она меняла свои мечты, этот дурак Лю Далея воспользовался ситуацией и извлек из этого выгоду. Родители Лю Далея занимались бизнесом, он с детства впитывал их опыт, обладал отличным деловым чутьем и умел эффективно использовать ресурсы. Ещё десять лет назад он вступил в партнерство со знаменитостью и открыл сеть ресторанов, которые теперь есть по всей стране; его можно считать одной из ведущих фигур в Пекине. Пока рестораны не закроются, Ян И на всю жизнь обеспечит себя едой и одеждой.

Лю Далея не подвёл её: свадьба была устроена с большим размахом — в самом высоком отеле в центре города были забронированы два этажа, а из стеклянных окон банкетного зала открывался вид на весь город. Гости на свадьбе были либо богатыми, либо влиятельными. Все завидовали Ян И, которая вышла замуж в богатую семью; те, кто раньше называл её «Ян Вэй», теперь обращались к ней как «сестра Мико». На пальце у неё красовался бриллиант размером с голубиное яйцо, о весе которого она сама не имела представления; она то и дело покручивала пальцы, бормоча про себя: «Когда же я смогу снять эту штуку? Она так жмёт, что пальцы уже онемели».

Подружкой невесты на свадьбе Ян И была её лучшая подруга Чжан Ваньвань. Они познакомились ещё в бедные времена: однажды Чжан Ваньвань заступилась за Ян И за столом, отговаривая инвестора от выпивки, в результате чего у того случилось кровотечение из желудка, на следующий день он попал в больницу, а съёмки сериала сорвались. Ян И — человек, который знает, как отплатить за добро. На съёмочной площадке, когда Чжан Ваньвань была обозвана режиссёром «свиньей» за то, что отказалась добавить сцены для его подруги, Ян И схватила режиссёра за парик и спросила: «Посмотри в зеркало — кто тут свинья?» На съёмочной площадке поднялся переполох, и под гневные крики режиссёра Ян И выкатилась из павильона, не забыв при этом взять Чжан Ваньвань за руку и убедить её не обращать внимания на этого «свинью». После этого они стали соседями по квартире и много лет поддерживали друг друга в беде и радости.

На свадьбе Ян И, держа букет, лично передала его в руки Чжан Ваньвань и сказала: «Дорогая, ты должна быть счастливее меня». Чжан Ваньвань плакала так горько, что её лицо распухло от слёз.

Наконец, проведив ребёнка и мужа, Ян И привела себя в порядок. Чтобы продемонстрировать своё недовольство, она нашла меховой наряд с леопардовым принтом, нанесла тёмные тени на веки и помаду цвета «смертельной Барби», дважды повернулась перед зеркалом и решила, что выглядит одновременно ретро и модно, а с этим большим животом — просто круто. Какая беременная может быть круче неё?! Теперь она действительно кардинально отличалась от той домохозяйки, которая только что кормила ребёнка и ругала мужа — в конце концов, сегодня она шла в компанию, где её собирались уволить.

Перед выходом Ян И взяла пульт, чтобы выключить телевизор, и случайно заметила новости. Увиденное на экране заставило её застыть у дивана как вкопанную, и в голове крутилась одна мысль: «Беда не приходит одна».

Гу Сяоцзюнь по-прежнему лежала, прижавшись к широкой груди Ши Мо, и, находясь в полусонном состоянии, невольно взяла его руку в свою, крепко сжимая пальцами. Ей нравился исходящий от этого мужчины запах геля для душа с легким оттенком пота; это теплое ощущение излечило её от кошмара прошлой ночи. Наслаждаясь исцелением, она одновременно испытывала чувство превосходства — в конце концов, этот мужчина был настолько совершенен. Она часто думала, что фигура и лицо Ши Мо должны быть общественным достоянием человечества, достойным того, чтобы быть занесенными в историю эволюции человечества и оставленными для изучения потомкам или инопланетянам, чтобы рассказать им о том, что в XXI веке существовал образ, служащий эталоном. Сейчас это «общественное достояние человечества» монополично принадлежит одной Гу Сяоцзюнь — сколько людей сошли бы с ума, узнав об этом? Прошлой ночью, когда Ши Мо ласкал Гу Сяоцзюнь, он говорил ей много нежных слов — это был образ, скрытый за его холодным, изысканным лицом: нежный взгляд, слегка приоткрытые губы, белые ровные зубы. Гу Сяоцзюнь вовсе не нужно было слушать, что именно он говорил — одного взгляда на это лицо было достаточно, чтобы кровь закипела в жилах.

В последние годы, по мере того как власть Гу Сяоцзюнь росла, а её статус повышался, мужчины, ухаживающие за ней, не переставали появляться. Гу Сяоцзюнь — необычайно холоднокровная женщина, для которой карьера всегда на первом месте. Она презирует «любовные увлечения» и прекрасно понимает, что большинство ухаживающих за ней мужчин надеются приблизиться к ней, чтобы поделиться её славой, а не построить равноправные отношения. А мужчины, действительно равные ей по силе, не полюбили бы такую женщину, как она: она слишком нежна, слишком не понимает романтики и уж точно не готова быть домохозяйкой и воспитывать детей. Поэтому большинству трудно приблизиться к ней, но Ши Мо для неё — исключение. По её словам, «глаза Ши Мо всегда чисты», хотя другие видят его только в доспехах. Сбросив внешнюю оболочку, он оказывается необычайно искренним, даже немного простодушным, и это дарит Гу Сяоцзюнь чувство уюта.

Ши Мо проснулся, погладил Гу Сяоцзюнь по голове, осторожно перевернулся и встал, надел шорты и пошёл на кухню готовить завтрак. Он постоянно занимается фитнесом, поэтому завтрак всегда готовит сам. Гу Сяоцзюнь, ещё не проснувшись до конца, потирала глаза и увидела на кухне спину Ши Мо: он был обнажен до пояса, на нем был только фартук. Солнечный свет проникал в комнату и падал на плечи Ши Мо — картина была настолько прекрасна, что Гу Сяоцзюнь сразу же пришла в себя. Она подняла с пола телефон, включила его, и на экран хлынула волна сообщений. Увидев второе сообщение, она замерла на месте; Ши Мо звал её из кухни, но она словно не слышала его. Открыв шкаф в поисках одежды, она в суматохе сбила с полки куртку, которую Ши Мо носил вчера, и из неё выпала бархатная коробочка. Она наклонилась, подняла коробку и осторожно открыла её. В тот момент, когда её взгляд упал на бриллиантовое кольцо, её сердце на мгновение замерло. Она нежно поцеловала бриллиант на кольце. Как же ей хотелось надеть это кольцо на безымянный палец! Но разум подсказывал ей, что сейчас ещё не время: она — женщина, окружённая скандальными слухами и стоящая на грани увольнения, — не достойна лучшего в мире Ши Мо.

Ши Мо несколько раз позвал Гу Сяоцзюнь, но, не дождавшись ответа, вернулся в спальню. Услышав звук, Гу Сяоцзюнь в спешке спрятала кольцо, как можно быстрее надела одежду и бросилась навстречу Ши Мо: «Мне нужно срочно уйти, сегодня, возможно, вернусь очень поздно».

Ши Мо посмотрел на покрасневшее лицо Гу Сяоцзюнь и мягко обнял её: «Неважно, что за дело, не торопись. Я буду ждать тебя».

Гу Сяоцзюнь поцеловала Ши Мо в подбородок. Она осознала всю серьезность ситуации и ясно понимала, с какой бурей ей предстоит столкнуться. Ей предстояло не только решать проблему сокращений в компании — одновременно надвигался ещё более серьезный кризис. То, чего она когда-то боялась больше всего, могло повториться, и она была беспомощна перед этим. Она отправила сообщение Чжан Ваньвань и Ян И: «Сегодня обязательно приходите в компанию на совещание!»

Все трое поочередно прибыли в конференц-зал «Хаокан Энтертейнмент». Увидев происходящее, Гу Сяоцзюнь почувствовала себя как в тумане: всего лишь вчера на годовом собрании она видела всех этих людей, а уже через одну ночь, когда они встретились снова, их лица были мрачными и казались ей чужими.

Чжао Хай уже стоял впереди конференц-зала с микрофоном в руке, лишившись прежнего блеска. У него свисали мешки под глазами, а в глазах проступали красные прожилки. Секретарь принесла ему горячий чай, он сделал глоток и начал говорить: «О делах компании генеральный директор концерна уже рассказал вчера. Сейчас я встречаюсь с вами с очень тяжёлым сердцем и вынужден вместе с вами принять это болезненное и трудное решение. Группа лишила «Хаокан Энтертейнмент» статуса не из-за наших низких профессиональных навыков, а в связи с корректировкой стратегии. Как только Группа преодолеет трудности, у нас появится возможность начать всё сначала. Часть из нас перейдёт в отдел маркетинга Группы, чтобы продолжить работу в этом направлении, а остальные получают положенные по закону выплаты. Сотрудники финансового и кадрового отделов оформят для всех документы в соседнем конференц-зале чуть позже. Я видел, как вы все трудились на протяжении всего этого пути: компания выросла с десятка человек до 300 сотрудников, добилась стольких выдающихся результатов, бралась за выполнение казавшихся невозможными задач — мы уже давно стали одной семьёй. Я хочу извиниться перед коллегами, с которыми нам предстоит расстаться». Чжао Хай, с трудом сдерживая рыдания, глубоко поклонился собравшимся.

В зале воцарилась мертвая тишина. Никто не знал, как отреагировать на извинения босса: аплодисменты явно не соответствовали печальной обстановке, а что сказать — никто не знал, да и, казалось, до них просто не доходила очередь.

В этот момент встал У Вэньгуан, ответственный за контент-маркетинг. У Вэньгуан был полноватым, носил очки и коротко стригся. Он отличался сообразительностью; он говорил на путунхуа с заметным акцентом, но был красноречив и всегда умел завоевать расположение руководства: «Генеральный директор Чжао, я хотел бы сказать пару слов». Получив разрешение от Чжао Хая, он взял микрофон, прочистил горло и сказал: «Я очень хорошо понимаю, что сейчас чувствует генеральный директор Чжао. Я был одним из первых сотрудников компании. В те времена мы были совершенно неприметным стартапом, и я до сих пор помню, как у меня дрожали руки, когда я сдавал свой первый годовой план — я был и взволнован, и полн надежд.

Позже бизнес компании неуклонно развивался, и под руководством генерального директора Чжао мы создали собственный оригинальный IP, который привлек внимание и получил высокую оценку в отрасли; мы начали распространять сериалы на всех онлайн-платформах, цены постоянно росли, и дела шли просто отлично. Конечно, по пути мы сталкивались со многими трудностями, но мы никогда не боялись, потому что в нашей команде царит взаимное доверие и поддержка, а наша сплочённость помогает преодолевать любые препятствия. Возможно, нам пока не удастся изменить сложившуюся ситуацию, но я верю, что мы обязательно преодолеем эти трудности. Генеральный директор Чжао не забудет нас, и группе по-прежнему будут нужны все вы».

Завершив свою проникновенную речь, старик Чжао на сцене едва не разрыдался, а многие коллеги были так тронуты, что у них на глазах навернулись слёзы.

«Он что, собирается баллотироваться на должность заместителя генерального директора? Есть ли смысл «подлизываться» к руководству в такой момент?» — Чжан Ваньвань закатила глаза и тихо пробормотала, обращаясь к Гу Сяоцзюнь и Ян И.

«Да, у У Вэньгуана слишком сильный инстинкт самосохранения. Обычно он никак не вносит вклад в компанию, так зачем ему сейчас выходить и произносить все эти красивые речи?» — поддержала его Ян И.

Гу Сяоцзюнь не стала ничего отвечать.

Чжао Хай вытер слёзы и продолжил: «Спасибо Давену, спасибо и всем вам. Надеюсь, что после того, как группа преодолеет трудности, мы снова соберемся вместе и будем бороться плечом к плечу. Теперь мы по очереди пойдём в отделы кадров и финансов для оформления документов. Людей довольно много, так что не торопитесь. Те, чьи имена я назову, могут идти первыми. Первая группа: У Вэньгуан...»

У Вэньгуан застыл на месте, его лицо было бледно-желтым — он выглядел совершенно иначе, чем во время своей страстной речи.

Ян И невольно рассмеялась.

После оглашения первой группы список остальных кандидатов сразу же появился на большом экране. Ян И долго искала своё имя, но так и не нашла его, и она очень удивилась: «Почему меня нет?»

Чжан Ваньвань указала на живот Ян И.

«Что ты имеешь в виду?»

«Ты что, не знаешь законов? Ты беременная, тебя защищает трудовой кодекс страны, сейчас никто не может тебя уволить. Жди, скоро тебе придет уведомление о вызове в головной офис».

«А? Это не пойдет! Там же есть твоё имя! Я буду с тобой в одной лодке!»

«Хватит! Не надо мне следовать за тобой. Ты — молодая госпожа, а я — служанка, мы не на одной стартовой линии. Мне лучше пора домой, выспаться, чтобы потом дописать статью — меня уже подгоняют. Кстати, Сяоцзюнь, зачем я тебе нужна?» Чжан Ваньвань, пожалуй, была самой невозмутимой из всех присутствующих; казалось, что всё это к ней никакого отношения не имеет, словно она посторонняя.

«Я точно не сдамся так легко. Вы же видели утренние новости. Мне нужно придумать способ, как пойти на переговоры с концерном. То, что принадлежит мне, я должна вернуть. У них нет выхода, а у меня есть!» Гу Сяоцзюнь серьёзно посмотрела на Ян И и Чжан Ваньвань.

«Какой способ?»

«Я рискну, поставив на кон своё прошлое».

Глава 2.

По телевидению и в интернете транслировалась новость из мира шоу-бизнеса:

Сегодня в 9 часов утра полиция нашего города официально сообщила: бывший участник некогда чрезвычайно популярной мужской группы BOYS Цзян Чуяо объявлен в розыск по подозрению в мошенничестве. Пять лет назад Цзян Чуяо таинственно исчез; некоторые пользователи сети утверждали, что случайно встретили его в Шанхае, когда он держал на руках маленького ребёнка. Хотя эта информация не подтверждена, она не может не вызывать догадок о его связи с этим ребёнком: неужели этот мальчик — тот самый ребёнок, о котором ходят слухи, что он — плод его связи с поклонницей Ли Лицзяо?

Цзян Чуяо, легендарный идол, дебютировавший в 19 лет, с самого начала достиг вершины славы: вместе с Ло Цзюньяном он создал мужскую группу, популярность которой в то время не имела себе равных. Однако именно в тот момент, когда их группа была на пике славы, разразился скандал с фанатичной поклонницей. Девушка по имени Ли Лицзяо, тайно родившая ребёнка, была зарезана ножом в живот и скончалась у подножия дома, где жил Цзян Чуяо, что вызвало огромный резонанс. Однако журналистка Гу Сяоцзюнь, чьи действия ускорили развитие этой трагедии, благодаря получению эксклюзивной сенсационной новости, быстро прославилась, и её карьера пошла в гору. В настоящее время она занимает должность директора по контенту в компании «Хаокан Энтертейнмент», входящей в группу S, и была названа СМИ «первой женщиной-тиранкой шоу-бизнеса», а пользователи сети в шутку прозвали её «черной вдовой шоу-бизнеса». Теперь, когда Цзян Чуяо вновь оказался в центре внимания общественности, знает ли Гу Сяоцзюнь о внутренних подробностях? В это же время группа S объявила о закрытии «Хаокан Энтертейнмент» — есть ли связь между этими двумя событиями? В какое дело, собственно, оказался вовлечен Цзян Чуяо? Мы будем продолжать следить за развитием событий.

Эта новость взорвалась, как бомба, и с грохотом наполнила город дымом и гаром.

По дороге Чжан Ваньвань даже таксист с энтузиазмом заговорил с ней об этой новости, спросив, помнит ли она Цзян Чуяо — того самого певца, у которого родился ребёнок от поклонницы, а после того, как поклонницу ударили ножом в живот, он больше не появлялся. Многие говорят, что его арестовали, а сегодня в новостях сообщили, что он находится в розыске как мошенник...

Чжан Ваньвань с нетерпением надела наушники, сделав вид, что ничего не слышала. Чжан Ваньвань, как и Ян И, очень переживала, что объявление Цзян Чуяо в розыск может повлиять на Гу Сяоцзюнь. Ни одна из них не осмеливалась сейчас заводить разговор о романе Гу Сяоцзюнь и Цзян Чуяо — это был самый мрачный период в жизни Гу Сяоцзюнь, а также — её самый сокровенный секрет.

«Что? Ты хочешь использовать дело Цзян Чуяо в переговорах с концерном? Сяоцзюнь, ты с ума сошла?!» — первая, кто высказала протест, услышав предложение Гу Сяоцзюнь, была Ян И.

«Да, Цзян Чуяо и банкротство компании — это две разные вещи. Чего тут обменивать? В худшем случае мы просто уйдем, а потом снова встанем на ноги. Не стоит идти на риск и пойти по нестандартному пути. Цзян Чуяо сейчас ещё и разыскивается полицией, тебе ни в коем случае не стоит в это ввязываться», — сказала Чжан Ваньвань с необычайным хладнокровием.

«Оба этих события связаны со мной и произошли одновременно».

«И что с того? Ты думаешь, это судьба? Небо тебе что-то подсказывает? Не глупи. Чжан Ваньвань, ты ей объясни».

«Дорогая, мне кажется, ты сейчас не слишком рассудительна. Компания перевела тебя обратно в отдел маркетинга концерна, где ты по-прежнему будешь отвечать за контент-направ-

ление. Да, должность стала ниже, но у тебя будет шанс вернуться на вершину — не нужно так торопиться с решениями. С твоими способностями и связями ты в любой момент сможешь вернуться на вершину, как только концерн возобновит эту деятельность», — логично проанализировала Чжан Ваньвань.

«Если сейчас не представить достаточно привлекательное предложение, чтобы вернуть доверие концерна, нам в будущем будет ещё тяжелее. Даже если меня сейчас не уволят, но, вернувшись в штаб-квартиру, я не покажу результатов и просто буду «просиживать» первое полугодие, меня всё равно уволят».

«Почему ты так уверена?»

«Мы занимаемся контентом, но принимающие решения — это бизнесмены. Главная цель бизнесменов — извлечение прибыли. Если мы хотим остаться, нам нужно согласовать свои цели с целями тех, кто принимает решения. Иначе, даже если мы перейдем в группу, нашу работу всё равно сократят. Я не хочу заниматься возобновляемой энергетикой или продавать недвижимость».

«Тогда переходи в другую компанию! Зачем привязываться к одному месту? Ты такой талантливый — тебя захотят принять многие».

«В другой компании, возможно, будет то же самое».

Гу Сяоцзюнь говорила решительно — она всегда была упрямой и никогда не отказывалась от того, что задумала, так было всегда. Она не раз задумывалась: что же дает ей такую твердость? Однажды ночью, проснувшись от сна, она вдруг сама нашла ответ: это кризис! В её окружении хватало талантливых и состоятельных людей: кто-то трудился, как бамбук, каждый день вырастая на один узел; кто-то прославился в юности; кто-то стал знаменитым с первого раза; кто-то неустанно стремится вперёд, расширяя границы; а кто-то исчезает из списка звонков, а в чате остаётся только последнее поздравление с Новым годом. Те, кто добился успеха, заявляют, что всё, чего они достигли, — результат их собственных усилий, а те, кто не преуспел, вынуждены притворяться, будто они очень старались. Люди в этой отрасли приходят и уходят, как в метро: никто не знает, с кем придётся ехать в следующем вагоне. Эта отрасль одновременно очень реальна и очень фальшива — единое название для этого явления — «реальность». Те, кто ссорился и порвал отношения, могут стать подругами, как только увидят выгоду, а бывшие лучшие подруги могут перестать признавать друг друга ради интереса. Если есть выгода, можно мирно сесть в один вагон метро, направляющийся к следующей весне. Гу Сяоцзюнь не боится начинать с нуля, но она не может легко сдаться.

Конечно, у неё есть ещё одна причина, но это секрет, о котором нельзя говорить никому, даже самым близким людям. Дело в том, что успех зависит от секретности, и ей нужно действовать осторожно, шаг за шагом приближаясь к своей цели.

«Я слишком много отдала „Хаокан Энтертейнмент“ — своё время, силы, творческие идеи. От крупных стратегических решений до мелочей вроде логотипа (символа компании или организации) — я не могу просто так смотреть, как всё это исчезает. К тому же я смогу найти работу, а как же остальные?»

Закончив говорить, Гу Сяоцзюнь взяла Ян И и Чжан Ваньвань за руки и вывела их из конференц-зала в коридор. Длинный коридор был забит коллегами: одни подписывали соглашения о компенсации, другие собирали свои вещи, третьи ругались с сотрудниками финансового отдела. Компания, которая раньше отличалась упорядоченностью и энергией, теперь напоминала рынок подержанных товаров — атмосфера была мрачной и гнетущей.

В этот момент к ним осторожно подошла уборщица: «Извините, господин Гу, у меня к вам небольшая просьба».

«Говорите».

«Меня тоже уволили из компании, сегодня, наверное, мой последний рабочий день здесь. Я слышала ваш разговор. Не знаю, какие у вас планы на будущее, но хотела бы сказать: если

вы собираетесь начать всё сначала, не могли бы вы взять меня с собой?» Женщина была очень застенчива, но в её глазах горел огонь.

«Взять меня?»

«Я многое умею. Хотя я и не училась этому систематически, очень люблю смотреть сериалы, мюзиклы и театральные спектакли. Все эти годы, работая в компании, я тайком училась у вас: я всегда прислушивалась к вашим обсуждениям сценариев, планов и бюджетов. Я знаю, какие сериалы сейчас в тренде, и кто самые популярные актёры и режиссёры. В свободное время я сдала экзамен на получение лицензии агента по работе с артистами, у меня даже есть аккаунт в TikTok под ником «Уборщица шоу-бизнеса», на котором сейчас более миллиона подписчиков. Я просто хочу получить возможность заниматься любимым делом, дать себе шанс».

Гу Сяоцзюнь, услышав это, была очень удивлена. Она напряженно пыталась вспомнить: кажется, в компании действительно была одна уборщица, которая часто попадалась ей на глаза, поливала цветы и приносила посылки с документами. Каждый раз она просто улыбалась в знак благодарности, но ни разу не заговорила с ней.

«Сестра, вы просто замечательная! У вас подписчиков больше, чем у меня, и мне даже стыдно!» — сказала Ян И.

«Мисс Ян И, вы такая красивая, что я, как бы ни старалась, никогда не смогу с вами сравниться», — застенчиво улыбнулась уборщица.

Ян И тоже улыбнулась и, обернувшись к Гу Сяоцзюнь, сказала: «Видишь, в нашей компании скрывается столько талантов».

«Сестра, у вас столько поклонников, вы наверняка зарабатываете на рекламе гораздо больше, чем на уборке. Почему вы до сих пор здесь? Разве вам не обидно?» — с недоумением спросила Чжан Ваньвань.

«Это всего лишь быстрые деньги, чтобы прокормиться на короткий срок. Чтобы взлететь высоко и далеко, нужно общаться с выдающимися людьми, заниматься тем, что соответствует твоему положению. Я не считаю это обидой — чтобы что-то получить, нужно что-то отдать. Я здесь незаметно училась и расширяла кругозор, да и компания не просит у меня денег», — хохотнула старшая сестра.

Эти слова заставили Гу Сяоцзюнь по-новому взглянуть на старшую сестру — в ней была мудрость. Она оглядела старшую сестру с ног до головы: у той была пропорциональная фигура, на шее проступали едва заметные прожилки, но кожа была белоснежной, лицо румяным, улыбка застенчивой, а глаза блестели — было видно, что в молодости она была красавицей.

«Сестра, я сама ещё не решила, чем именно хочу заниматься. Почему ты доверяешь мне и согласилась, чтобы я тебя наставляла?»

— Потому что я видела, как ты раз за разом боролась за свои принципы, как ты работала в компании до поздней ночи, а на следующее утро все равно полна энергии участвовала в совещании с членами совета директоров. Все эти годы ты была сильной, решительной, не боялась трудностей — для тебя не было препятствий, которые нельзя было бы преодолеть. Я верю, что ты сможешь взять на себя ответственность за дело, которое тебе нравится, и будешь стоять на своём, не сдаваясь. Не посмеешь ли ты, если я скажу, как я тебе завидую! Иногда я даже представляю, что это я сижу в том офисе — как было бы хорошо! Но у меня нет для этого условий, и мне приходится действовать самым простым способом, шаг за шагом».

Слова уборщицы тронули Гу Сяоцзюнь. Она и не подозревала, что во время работы за ней за ней кто-то наблюдает, и даже не могла представить, что в момент её падения первой, кто готов был встать на её сторону и последовать за ней, оказалась никому не известная уборщица. Она была удивлена и в то же время радовалась — для неё это стало поддержкой и ободрением.

«Спасибо вам. Как мне вас называть?»

«Меня зовут Ван Пин».

«Сестра Пин, спасибо за эти слова, сказанные мне в такой момент. Конечно, я не сдамся. Но сейчас я не уверена, что смогу помочь вам осуществить вашу мечту — мне нужно время».

«Я могу подождать! Господин Гу, у вас обязательно получится. Первые несколько месяцев я могу обойтись без зарплаты. Если вы сочтёте, что я подхожу, я останусь; если не справлюсь — вернусь к уборке».

«С такой настойчивостью у тебя обязательно всё получится». Сказав это, Гу Сяоцзюнь обернулась к Ян И и Чжан Ваньвань: «Теперь вы всё ещё убеждаете меня сдаться? Давайте сделаем что-нибудь грандиозное?»

Чжан Ваньвань вздохнула: «Сяоцзюнь, не действуй под влиянием эмоций, это дело не так просто, ты...»

Ян И подняла руку: «Я за! Атмосфера уже такая заряженная! Женщина, которая не сильна, не найдет места под солнцем! Я хочу брать пример с сестры Пин, стремиться к своей карьере и ни за что не сдаваться! Ну и что, разве что придется подраться с концерном!»

Чжан Ваньвань: «Вы двое, не торопитесь с глупостями. Я сразу говорю: я не буду участвовать в ваших безумствах. Концерн обанкротится — они сами виноваты. Проклятые капиталисты, кровопийцы! Посмотрите, что они вытворяют! Какие там «решительные меры»? они просто творят ерунду. Пока они не растратят всех своих людей и все свои деньги, наступит настоящая зима, и тогда им придётся навсегда впасть в спячку. Я не верю в будущее таких недалёковидных компаний. Для предприятия самое главное — не деньги, а люди. Если люди хорошие, то и предприятие будет хорошим. Если все уйдут, что тогда останется?»

Гу Сяоцзюнь: «Ты права, но мы не можем пассивно ждать, пока они начнут сокращения. У нас есть право вернуть то, что принадлежит нам, поэтому мы должны продолжать бороться!»

«Верно», — Ян И силой взяла за руки Чжан Ваньвань и Гу Сяоцзюнь, — «Продолжим бороться!»

Чжан Ваньвань беспомощно вздохнула, не желая ввязываться в эту грязную историю. А Ян И, напротив, радостно улыбалась — она была из тех, кто не боится больших проблем.

Гу Сяоцзюнь не была полностью уверена в себе — сегодняшняя ситуация оказалась для неё неожиданной, но чем больше паники, тем больше нужно сохранять хладнокровие: «Всё прошлое — лишь прелюдия. Возможно, нам всем нужен момент опасности, чтобы собраться с духом и встретить неизвестное впереди, приветствуя следующий блестящий момент». Это ей сказал старик Цуй, который всегда отличался мудростью и смелостью.

В её голове без перерыва крутился один вопрос: она мысленно отстранилась от происходящего и, словно сторонний наблюдатель, оглядела толпу перед собой, суетящуюся, как муравьи на раскалённой сковороде, и спрашивала себя: «Если бы главная героиня была не ты, что бы ты ей посоветовала?»

Ещё до прибытия в компанию она получила уведомление от Чжао Хая и руководства концерна, в котором ей предлагалось самостоятельно выбрать: вернуться на работу в головной офис или, как и другие коллеги, получить компенсацию и уйти. Она задала тот же вопрос Чжао Хаю, но тот не ответил прямо, сказав, что пока это секрет. Гу Сяоцзюнь почувствовала, что Чжао Хай, несомненно, нуждается в ней: она проработала в компании много лет, всегда находилась под его покровительством и приносила ему неплохие результаты. Чжао Хай всё же лучше, чем те высокомерные руководители из концерна, да и для них он тоже посторонний человек — вполне возможно, что он тоже ищет выход из сложившейся тупиковой ситуации. К тому же, если говорить о реальных потребностях, сын Чжао Хая только что уехал учиться за границу, жена тоже находится за рубежом, и ежегодно требуются значительные расходы, так что Чжао Хай не может не думать о своих доходах.

Рассказав о своих мыслях Ян И и Чжан Ваньвань, Ян И предложила сразу же вернуться в группу и забрать то, что принадлежит им по праву!

Однако Гу Сяоцзюнь не торопилась: она отправила Чжао Хаю сообщение:
«Настанет время, когда мы прорвёмся сквозь ветры и волны».

Через двадцать минут Чжао Хай ответил:

«Поднимем паруса и пересечём синее море».

Ян И была в полном недоумении: что это за шифр?

Гу Сяоцзюнь слегка улыбнулась: «Увидимся сегодня вечером в Weibo!»

В полночь Гу Сяоцзюнь открыла свой давно заброшенный аккаунт в Weibo и осторожно набрала, буква за буквой:

«В это беспокойное время не могу уснуть. Перед глазами проносятся сцены из прошлого, и я не могу избавиться от чувства сожаления и недоразумений — любые слова кажутся бессмысленными. Надеюсь, когда-нибудь у меня появится возможность экранизировать известную мне правду, откровенно рассказать о неизвестной истории и увековечить эти необыкновенные годы».

Эта женщина, Гу Сяоцзюнь, действительно страшна — она в полной мере оправдывает прозвище «черная вдова шоу-бизнеса». Её пост в Weibo был перепечатан многими развлекательными СМИ менее чем через двадцать минут и попал в топ поисковых запросов раздела развлечений. Некоторые из СМИ, которые задавали тон, были её давними друзьями, которым она не раз помогала в работе. Достаточно было нескольких телефонных звонков от Гу Сяоцзюнь, как эти аккаунты начали безудержно «выкладывать» информацию, и серия сенсационных новостей незаметно направила стрелки обвинений в сторону Цзян Чуяо.

После этой серии манипуляций сладкие сны пользователей сети были нарушены именно этим постом в Weibo, и все стали гадать на сайте, о чём же она собирается рассказать? Независимо от конкретного содержания, в этот решающий момент все были уверены, что главным героем обязательно станет Цзян Чуяо — или, вернее, надеялись, что это будет именно он! В наше время ничто не вызывает большего интереса, чем шоу-бизнесовые сплетни — это тема для общения всех и каждого.

Через час Гу Сяоцзюнь получила подряд звонки и сообщения от трёх кино- и телекомпаний, содержание которых было практически одинаковым: «Генеральный директор Гу, мы готовы поддержать вас!», «Генеральный директор Гу, можно с вами поговорить?», «Сяоцзюнь, давно не виделись, завтра я заберу тебя на ужин».

Гу Сяоцзюнь выключила телефон, задернула шторы и отгородилась от шумной ночи.

Пусть ветер этой ночи дует дальше — она не боится, даже если он усилится.

Глава 3.

Для современных людей ни одно чужое дело не может удерживать внимание в сети дольше трёх дней. Интернет подобен безбрежному океану: одна волна ещё не улеглась, как поднимается следующая, и в итоге на берег выносит лишь пену.

На этот раз Гу Сяоцзюнь намеревалась действовать быстро и решительно.

Этой ночью она спала особенно крепко и проснулась уже в двенадцать. Услышав шуршание из кухни, она вышла босиком и увидела, что Ши Мо варит кашу.

— Почему ты пришла? Почему не разбудила меня?

— Я увидел твой пост в Weibo, позвонил, но телефон был выключен, и, боясь, что тебе плохо, сразу приехал. Ключ я оставил в цветочном горшке у входа, — сказал Ши Мо с заботой на лице, а затем снова повернулся и продолжил суетиться у плиты.

Гу Сяоцзюнь всегда не любила, когда к ней домой приходили гости. Ей всегда казалось, что дом — это раковина на спине улитки, принадлежащая только самой улитке, в которой не поместится никто другой. Кроме Ян И и Чжан Ваньвань, к ней домой не приходили друзья. Но Ши Мо — другой. Он всегда появлялся, когда ей это было нужно, и порой он был настолько знаком с этим домом, что ей казалось, будто именно он здесь хозяин.

Гу Сяоцзюнь вернулась в спальню и включила телефон. Она была немного взволнована — этот момент напомнил ей о том, как в начальной школе она впервые участвовала в спортивных соревнованиях. Она записалась на забег на 100 метров с математическим заданием: на беговой дорожке в пятидесяти метрах от стартовой линии стояла маленькая доска с математической задачей, и участники должны были написать ответ, а затем, держа доску в руках, мчаться к финишу. Она посмотрела на свои белые кроссовки, встряхнула косички, встала на стартовую линию, ожидая выстрела, готовилась вырваться вперед, как только прозвучит сигнал, и первой добежать до финиша. Накануне вечером она так нервничала, что не могла заснуть. Папа сказал ей: «Представь себе, как ты пересекаешь финишную черту, представь это снова и снова, и когда придет время, ты не будешь нервничать и сможешь это сделать».

Этот способ действительно сработал, и впоследствии, когда она нервничала, она всегда использовала этот способ, поэтому всегда была более уверенной в себе и спокойной.

Открыв телефон, она увидела, что сообщения появляются одно за другим.

Гу Сяоцзюнь улыбнулась — все они были в пределах досягаемости.

Она нашла номер Чжао Хая и перезвонила: «Алло, господин Чжао, вчера вечером я приняла снотворное и спала очень хорошо».

«Прошлой ночью никто в этом мире не спал так хорошо, кроме тебя».

«Тогда прошу прощения».

«В два часа дня приходи в здание концерна, совет директоров хочет тебя видеть».

«Со мной?»

На другом конце провода Чжао Хай усмехнулся: «Шанс бывает только один раз».

«Понятно, спасибо за заботу».

Чжао Хай в этот момент мог представить себе, как Гу Сяоцзюнь отвечает на звонок: слегка нахмурившись, опустив глаза, с головой, полной планов. Ему был хорошо знаком такой Гу Сяоцзюнь — необъяснимо нервничающий и с нетерпением ожидающий наступления того важного момента.

Ши Мо имеет отличные кулинарные навыки. Они с Гу Сяоцзюнь впервые встретились на вечеринке у друзей, где Ши Мо приготовил целый стол блюд. У Гу Сяоцзюнь очень привередливый желудок: раньше она считала, что лучше всех готовит её отец, но теперь на второе место после него она ставит Ши Мо. Ши Мо рассказывает, что освоил кулинарное мастерство, когда работал моделью за границей и в свободное время изучал кулинарное искусство. Во время

работы по всему миру он посещал местных шеф-поваров, изучал блюда разных стран и даже научился готовить десерты.

Сегодня Ши Мо приготовил рисовую кашу с морскими гребешками, посыпанную небольшим количеством окуи, — она получилась очень нежной и легко проглатывалась.

Ши Мо никогда не расспрашивал её о работе. Гу Сяоцзюнь очень ценила в нём эту черту, так же как и его кулинарное мастерство.

Гу Сяоцзюнь залпом опустошила всю миску каши: «Я наелась, шеф-повар, можно мне идти на работу?»

«Иди, тебя нигде не удержат».

Гу Сяоцзюнь, улыбаясь, пошла переодеться в полностью чёрный костюм; в зеркале отразилось её белое лицо. Ей показалось, что сегодня она выглядит очень хорошо, а макияж подбрана идеально — чуть бледнее, и будет скучно, чуть ярче — и будет вульгарно.

Гу Сяоцзюнь вовремя появилась в S Group. Здание, возвышавшееся перед ней, выглядело очень величественно. Оно было построено в центре города, но архитектор сумел использовать окружающий природный ландшафт, создав на ровной местности картину «чёрных гор и белых вод»: издалека оно напоминало живописный пейзаж, а при приближении ощущалось его величие. Кто-то говорил, что здесь плохое фэншуй, что здание причудливой формы не привлекает богатство, а кто-то утверждал, что это магическая компоновка, созданная мастером из Гонконга, чтобы сохранить здесь живую энергию. Однако на данный момент у Группы S наблюдается тенденция к потере и людей, и денег, и ей срочно нужны меры по спасению ситуации.

Лифт остановился на 35-м этаже. Гу Сяоцзюнь вышла из лифта, а её секретарша Ань Я, не обращая внимания на то, что её сковывает юбка-карандаш, подбежала к невыразительной Гу Сяоцзюнь и поздоровалась с ней.

«Действительно, это ты. У тебя всегда свежие новости», — Гу Сяоцзюнь улыбнулась и подмигнула Ань Я.

Ань Я слегка смутилась, но через секунду её выражение лица вернулось к прежнему: «В такой важный момент я, конечно же, должна быть рядом с тобой, сестра».

Ань Я работала рядом с Гу Сяоцзюнь уже много лет; до прихода в компанию она занималась продажей автомобилей, и её главным достоинством было умение читать по выражению лица собеседника, а также особый талант в общении с трудными людьми. Однако с сентября этого года Гу Сяоцзюнь начала замечать, что с Ань Я что-то не так — она вела себя слишком активно. На совещаниях, когда Гу Сяоцзюнь иногда не успевала открыть рот, Ань Я опережала её и отвечала на вопросы старого Чжао. Сначала Гу Сяоцзюнь думала, что та просто не может сдерживать свой характер и стремится проявить себя. У самой Гу Сяоцзюнь тоже был такой период — ведь люди всегда стремятся к вершинам. За последние несколько лет Ань Я многому научилась, постепенно обрела способность самостоятельно справляться с делами, у неё неплохие связи и ресурсы — её продвижение по службе было лишь вопросом времени. Гу Сяоцзюнь была достаточно великодушна, чтобы не препятствовать этому.

В прошлом месяце Гу Сяоцзюнь подарила Ань Я на день рождения духи — малоизвестного бренда, которые не так просто купить; у них был особый аромат и длительное действие, и Гу Сяоцзюнь специально их выбрала. Однако на следующий день на плановом совещании в компании, сидя рядом с Чжао Хаем, Гу Сяоцзюнь неожиданно уловила слабый аромат этих духов. Гу Сяоцзюнь начала обращать внимание на Ань Я и Чжао Хая. И действительно, когда Чжао Хай говорил, Ань Я всегда слушала его с полным вниманием; иногда их взгляды встречались, и Чжао Хай всегда естественно отводил глаза, а Ань Я, будучи всё-таки молодой, невольно улыбалась. В день ежегодного корпоративного вечера помада на воротнике рубашки Чжао Хая, скорее всего, была оставлена Ань Я случайно.

Гу Сяоцзюнь несколько раз хотела предупредить Ань Я, чтобы та не увлекалась слишком сильно — это неразумный путь, и в будущем ей придётся за это поплатиться, — но не знала,

как сказать это так, чтобы не ранить её чувства и при этом выразиться достойно, и в итоге так и не смогла открыть рот.

Гу Сяоцзюнь не задержалась и продолжила идти к конференц-залу. Ань Я ускорила шаг, подошла к ней и тихо сказала: «Линь Илун там, его повысили. Скоро объявят, что он возглавит отдел маркетинга группы, и его должность, возможно, будет даже выше, чем у генерального директора Чжао».

«И это ты уже знаешь?»

Ань Я поняла, что проговорила, и почувствовала неловкость: обычно о таких новостях знают только высшие руководители группы, и сотрудница её уровня не могла узнать об этом так быстро. Ей оставалось только притвориться спокойной: «Это уже всем известно, сестра. Он же твой заклятый враг, будь осторожна, не дай ему тебя переиграть».

Сказав это, Ань Я осторожно понаблюдала за выражением лица Гу Сяоцзюнь. В день общего собрания компании она сидела в одиночестве в углу, переживая смешанные чувства; подавленность и напряжение едва не разорвали её на части. Словно спасаясь с места преступления, она спряталась на лестничной площадке и зажгла сигарету, где случайно встретила У Вэньгуана — первого, чьё имя было названо. Он собрал свои вещи и, проходя мимо неё, похлопал её по плечу: «Ань Я, ты столько лет работаешь с генеральным директором Гу, а она взяла тебя с собой в головной офис?» Ань Я промолчала, и У Вэньгуан вздохнул: «Ты все эти годы добросовестно трудилась, твои достижения на глазах у всех, а она даже сейчас не заступилась за тебя — люди такие бездушные! Тебе нужно самой искать выход, нельзя рассчитывать на то, что другие будут помнить о твоих заслугах — я тебе в качестве предостережения». Эти слова оставили у Ань Я неприятное послевкусие. Как она может пойти по стопам У Вэньгуана? Разве У Вэньгуан может сравниться с ней?

«Генеральный директор У в расцвете сил, он везде сможет добиться больших успехов. Не беспокойтесь обо мне, генеральный директор Гу не оставит меня без внимания».

У Вэньгуан улыбнулся не без иронии: «Ты просто слишком придерживаешься правил. Все преимущества достаются Гу Сяоцзюнь, а кто обратит внимание на тебя? Карьера — это поле боя, как можно победить, не имея оружия?» С этими словами он ушел.

Эти слова У Вэньгуана, словно заклинание Тан Сэн, не давали Ань Я покоя. Она знала, что не может сидеть сложа руки, поэтому сегодня пришла в штаб-квартиру концерна пораньше. Независимо от того, пригласят ли её на собрание или нет, она собиралась войти вместе с Гу Сяоцзюнь и выждать подходящего момента.

Такая проницательная женщина, как Гу Сяоцзюнь, не могла не догадываться о намерениях Ань Я, но сейчас у неё действительно не было времени объясняться с ней. Она верила, что если сегодня ей удастся добиться своего, то впоследствии Ань Я сама поймёт её.

Она улыбнулась Анье: «Да, я с нетерпением жду выступления „кинокороля“ чуть позже».

Вся компания знала, что Линь Илун — «мастер интриг», и за его спиной его называли «королём кино».

В конференц-зале члены совета директоров сидели рядами, а Линь Илун занимал центральное место в первом ряду. С причёсанными назад волосами он выглядел полным энергии и был готов взять на себя руководство — не хватало только прожектора, направленного на него.

Увидев входящую Гу Сяоцзюнь, Чжао Хай жестом пригласил её сесть рядом с собой. Когда Гу Сяоцзюнь устроилась, Чжао Хай начал свое выступление: «Сегодня мы собрали здесь всех руководителей группы в основном для того, чтобы отчитаться о конкретных деталях увольнения сотрудников «Хаокан Энтертейнмент»; с другой стороны, поскольку здесь присутствуют все ключевые сотрудники, мы хотим обсудить вопросы вашего дальнейшего пребывания в компании и распределения обязанностей».

Выступавший на ежегодном собрании босс Хуан Инань поддержал его: «Да, перед началом собрания я хочу официально объявить о решении о назначении. С согласия руководства группы Линь Илун назначается руководителем отдела маркетинга группы. Он возглавит работу по перенятию оставшихся видеобизнеса, а также последующего рекламного бизнеса, чтобы обеспечить большее количество доходов. Надеюсь, вы все будете хорошо сотрудничать с Илоном». Он говорил очень плавно, ничуть не обращая внимания на стоящего рядом Чжао Хая, словно это дело не имело к нему никакого отношения.

Чжао Хай слегка кашлянул два раза и первым зааплодировал: «Давайте все поздравим Илуна».

Глаза Линь Илуна уже сузились до щелочек, а кожа на лице сбилась в складки и блестела от жира.

«Хорошо, тогда прошу Илуна вести сегодняшнее заседание», — Чжао Хай, проявив тактичность, уступил возможность проявить себя Линь Илуну.

«Спасибо, спасибо совету директоров и всем коллегам за поддержку. О работе по увольнению сотрудников «Хаокан Энтертейнмент» доложит генеральный директор Чжао. Я же в основном хочу обсудить с вами рабочий план на период после передачи бизнеса «Хаокан Энтертейнмент» в отдел маркетинга концерна. Итак, я...»

Не успел Линь Илун продолжить, как финансовый директор группы Чжэн Хун передала боссу Хуан Инаню последний финансовый отчет, а затем наклонилась к нему и прошептала несколько слов.

«Илун, извини, что прерываю, но наши акции немного выросли, в интернете активно обсуждают нашу группу, особенно вчера вечером. Гу Сяоцзюнь здесь?»

«Да», — кивнула Гу Сяоцзюнь.

«Что ты имел в виду, когда писал в интернете?»

Лицо Линь Илуна потемнело, и он уставился на Гу Сяоцзюнь.

«Босс, в последнее время произошла целая череда неожиданных событий. Вчера ночью, когда все уже спали, я поддался вдохновению и решил поделиться своими мыслями и ответить на вопросы, которые давно интересовали всех. Считайте это моим личным делом».

«В сети ходят слухи, что ты собираешься экранизировать историю Цзян Чуюо. Это правда?» Чжэн Хун не стала тянуть резину и спросила прямо.

«Если представится возможность, я тщательно всё спланирую».

«Это отличная тема, сейчас она в центре внимания. Из этого можно снять криминальный триллер — сейчас это самый популярный жанр, да и ты была непосредственной участницей тех событий. Взять, к примеру, фильм «Спасение господина Ву» с Лю Дехуа — он снят по мотивам реальной истории жизни знаменитости. Если удастся экранизировать дело Цзян Чуюо, у нас будет шанс на грандиозный кассовый успех», — воодушевленно сказала Чжэн Хун.

«Да, эта тема действительно отличная, но Сяоцзюнь, это твоё личное дело, и мы не должны заставлять тебя об этом рассказывать ради интересов компании. Нельзя, чтобы все внимание общественности было сосредоточено на тебе, одной незащищенной девушке. Если ты не хочешь, мы не будем тебя использовать», — с глубокой искренностью сказал Чжао Хай.

«Как это „использовать“? Сяоцзюнь только что сказала, что просто поделится своими переживаниями. Держать всё в себе вредно для здоровья, лучше выговориться. Я готова тебя поддержать», — закончив, Чжэн Хун посмотрела на Хуан Инаня.

Чжэн Хун можно назвать самым надежным сотрудником концерна. Он всецело предан делу зарабатывания денег; спекуляции, карьеризм и стремление к наживе для него — это достойные качества. Главное — приносить прибыль концерну, а что говорят другие — неважно; он заботится только о том, чтобы сохранить казну концерна.

«Илун, а ты что думаешь?» — Хуан Инань перебрисил мяч Линь Илуну.

Линь Илун, этот старый лис, пока не осмеливался высказаться, потому что ещё не разгадал настроения своего босса Хуан Инаня и не знал, что тот на самом деле думает. Естественно, он не хотел, чтобы Гу Сяоцзюнь смогла восстановить свои позиции: ему с таким трудом удалось подняться с поста главы отдела маркетинга «Хаокан Энтертейнмент» до руководителя отдела маркетинга всего концерна — это было словно взлет на вершину с одного шага. Наконец-то ему удалось уволить Гу Сяоцзюнь — как он мог дать ей шанс вернуться? Он хорошо знал способности и уровень Гу Сяоцзюнь: если бы она захотела вернуться, то использовала бы все возможные средства. На этот раз она манипулировала общественным мнением — он сам проявил неосторожность. Вчера он получил уведомление о назначении из отдела кадров концерна и, увлекшись радостью, не заметил, как глубокой ночью Гу Сяоцзюнь, воспользовавшись его расслабленностью, проделала свою махинацию. Теперь, глядя на её невозмутимый вид, у него просто кипела кровь — наверняка она сейчас испытывает огромное удовлетворение. Он ни за что не позволит ей добиться своего. Такому человеку, как Гу Сяоцзюнь, ни в коем случае нельзя давать шанс вернуться на вершину — её нужно сразу же подавить, иначе это принесёт бесконечные проблемы.

«Тема, конечно, свежая, но она связана с реальным делом, тем более что полиция сейчас разыскивает Цзян Чуяо. Лучше нам не связываться с этим — слишком деликатный вопрос, риск слишком высок», — торжественно заявил Линь Илун, сдвинув брови.

«Чем выше риск, тем выше доход. Проблемы всегда можно решить, а вот упущенную возможность уже не вернёшь. К тому же, если эту историю первыми возьмут другие, мы окажемся в невыгодном положении. Да и вообще, господин Линь, разве вы не начинали свою карьеру в сфере маркетинга и связей с общественностью? Для вас это же не проблема, верно?»

Что сегодня случилось с Чжэн Хун? Почему она так много говорит! Линь Илун был весьма недоволен, но не мог выразить это вслух — сейчас группа переживает кризис, и финансовые вопросы стоят на первом месте. Линь Илун натянул улыбку: «Генеральный директор Чжэн прав, я проведу с командой углубленное обсуждение этого проекта».

«Генеральный директор Линь, вы возглавите обсуждение с командой?» — наконец огорилась Гу Сяоцзюнь.

«Сяоцзюнь, я прекрасно понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Кто бы мог подумать, что мы как раз столкнемся с такой громкой новостью! Но как старые коллеги, мы все очень заботимся о тебе; кроме того, как нынешний руководитель отдела маркетинга концерна, я обязан отвечать за интересы концерна и не могу действовать опрометчиво. К тому же, Сяоцзюнь, я должен напомнить тебе: ты по-прежнему работаешь в концерне S, и тебе нужно следить за каждым своим словом и поступком — ты не просто частное лицо».

«А ты-то вовсе не частное лицо!» — Гу Сяоцзюнь притворилась рассерженной и гневно посмотрела на Линь Илуна.

«Сяоцзюнь, как ты можешь так ругаться? Я имею в виду, что ты тоже публичная личность, и каждое твоё действие отражается на имидже группы. Сейчас новости об этом разлетелись по всем каналам, и даже если мы действительно собираемся запустить этот проект, перед принятием решения нам необходимо выяснить правду об этом инциденте, подготовить стратегию по связям с общественностью и свести ущерб для компании к минимуму». Линь Илун высказался на одном дыхании, не забыв добавить: «Сяоцзюнь, я действую исключительно в интересах компании, это не направлено лично против тебя».

«Спасибо за заботу, господин Линь. Я знаю, что вы не имеете ничего против меня. Вы занимаете высокий пост и смотрите на вещи шире — всё это ради блага концерна, как я могу этого не понимать?» — Гу Сяоцзюнь улыбнулась.

Атмосфера в конференц-зале стала несколько напряжённой. Гу Сяоцзюнь знала, что многие из присутствующих ждут, когда она опозорится, а другая часть с нетерпением ждёт «подробностей» — все хотели получить информацию из первых рук, а услышать разоблачения из уст

самой заинтересованной стороны было особенно захватывающе. Она оглядела всех присутствующих: у каждого лицо было румяным, а спина выпрямлена больше, чем обычно.

В этот момент Чжао Хай как раз вовремя взял слово: «Сяоцзюнь, ты начинала карьеру журналистки. Независимо от того, твоя ли это вина или нет, сейчас ты оказалась в эпицентре скандала, и тебе от этого не уйти. Тот случай, который тогда был просто новостью из мира шоу-бизнеса, превратился в общественный резонанс. Ты из журналистки превратилась в фигурантку дела. Поначалу можно было считать, что ты лишь подливала масла в огонь, но ситуация быстро вышла из-под контроля, и ты неосознанно оказалась в эпицентре скандала. Сейчас ситуация явно готовится повториться: Цзян Чуяо официально объявлен в розыск полицией, но сегодняшний день не похож на прошлые времена — ты уже не та юная журналистка, какой была тогда. Хотя «Хаокан Энтертейнмент» сейчас вынужденно закрыт, ты по-прежнему остаёшься очень влиятельным продюсером в шоу-бизнесе, и на тебя будет обращено ещё больше внимания. Если ты решишь продолжать работать на благо концерна, сегодня тебе необходимо честно признаться: насколько ты осведомлена о деле Цзян Чуяо? Ты готов к этому? Сможешь ли ты взять на себя ответственность за группу?»

Хуан Инань, Чжэн Хун и другие устремили взгляды на Гу Сяоцзюнь. Она хорошо понимала их тревогу и ожидания: всем им срочно нужен был громкий скандал, чтобы спасти показатели видеобизнеса концерна, иначе никто не станет вкладывать средства, и они окончательно утратят возможность убедить акционеров в перспективности проекта. Теперь, по воле судьбы, у неё появился шанс переломить ситуацию — она стала полезной. Однако, если она не сможет объяснить ситуацию внятно, она по-прежнему будет никому не нужна. Даже если в прошлом она и блистала, выйдя за эту дверь, она станет женщиной, погрязшей в проблемах, овеванной скандалами и стоящей на грани потери работы.

«Генеральный директор Чжао, с момента открытия торгов сегодня утром акции нашей группы неуклонно растут, а посещаемость нашего новостного канала и социальных сетей превысила максимальные показатели этого квартала. Пока мы ещё не выпустили ни одного пресс-релиза, а вся страна ждёт нашей позиции и заявления. Не говоря уже о кадровых изменениях в группе, сейчас даже случайное нажатие кнопки «Нравится» сотрудником в Weibo может мгновенно попасть в топ трендов. Любой кризис может стать шансом — эти слова я услышала от вас на собрании сотрудников в первый же день работы в группе. То, что вулкан уже извергался, не означает, что он не извергнется снова. У событий того времени были свои выводы, а нынешние афтершоки не обязательно являются для нас катастрофой. Я хочу взять то дело за основу и снять по нему фильм — где бы я ни была, я хочу попробовать это сделать. Если сейчас группа сочтёт эту тему достойной внимания, я готова задействовать все свои ресурсы, чтобы как можно скорее запустить проект, подготовить полное проектное предложение и бюджетную смету для рассмотрения группой. Конечно, на всё это потребуется немного времени. На любопытство всех я могу ответить только четырьмя словами: «совесть чиста». Что касается направления проекта, то сейчас я могу ответить лишь одной фразой: «Возможности и вызовы идут рука об руку. У всех есть возможность и право выбора».

Речь Гу Сяоцзюнь была безупречна: она дала отчёт начальнику, объяснила ситуацию коллегам и выиграла время для себя. Особенно последняя фраза — «У каждого есть возможность и право выбора» — показала, что она держит инициативу в своих руках, не будет слепо подчиняться чужому выбору и сейчас обладает козырями для переговоров.

Гу Сяоцзюнь никогда не считала себя мастером переговоров; напротив, она часто чувствовала, что не умеет выражать свои мысли. До самого окончания университета она даже заикалась, когда нервничала. Каждый свой знаковый момент на работе она объясняла тем, что «в отчаянии готова на всё». Даже загнанный в угол кролик кусается, не говоря уже о живом человеке: если не отстаивать свои интересы, то за спиной сразу же открывается бездонная пропасть.

Линь Илун внезапно встал, и его стул закрипел; он по-прежнему не собирался давать Гу Сяоцзюнь шанса переломить ситуацию: «Сяоцзюнь, твое нынешнее положение не позволяет тебе участвовать в разработке плана. Как говорится, «посторонний видит яснее, чем участник», а ты была участницей того события и не должна больше заниматься никакой связанной с ним работой. Я предлагаю генеральному директору Гу отойти от дела и больше не участвовать в нём, а передать его на урегулирование маркетинговому отделу нашей группы. Мы часто общаемся со СМИ, и они, как правило, идут нам навстречу, поэтому мы сможем контролировать общественное мнение; с другой стороны, как многолетний коллега, я советую генеральному директору Гу отдохнуть некоторое время, привести себя в порядок и вернуться, когда эта буря уляжется».

«Спасибо за ваше доброе намерение, господин Линь. Но именно потому, что я являюсь участником этих событий, я лучше всех разбираюсь в ситуации, и мне самому лучше всего заняться этим делом. Отношения со СМИ — это тоже отношения спроса и предложения: иногда деньги не помогают, но иногда обходится и без них, если предоставить им нужные новости. И не беспокойтесь обо мне: если бы я был причастен к его делу, то сегодня в розыске был бы я. Если у меня есть проблемы, полиция сама придет ко мне с проверкой — я бы не сидел сейчас напротив вас и не доставлял вам неприятностей». Гу Сяоцзюнь с легкостью справлялся с Линь Илуном.

«Гу Сяоцзюнь, это напрямую касается интересов концерна, прошу тебя не действовать в одиночку. Наш отдел маркетинга постоянно выручает ваш видеобизнес, вы постоянно ставите концерн под прицел общественности. Сколько трудностей и опасностей мы пережили, сколько раз чудом спаслись — разве не мы каждый раз в критический момент выходили на передний план, чтобы помочь вам справиться с кризисными ситуациями и восстановить репутацию и авторитет? Если бы компания принадлежала только тебе, я бы не вмешивался, но достижения компании — это результат совместных усилий всех нас, а твои нынешние действия — это игра с огнём. Ты не заботаешься ни о репутации концерна, ни о плодах наших общих усилий — ты слишком эгоистичен!»

Лицо Линь Илуна покраснело, он весь надулся, как перегретый цыплёнок, из головы у него буквально валил дым. Этот старый лис, явно действуя в своих интересах, без малейшего колебания умудряется выдать это за дело чести всего коллектива.

Гу Сяоцзюнь не спешила возражать, а тихо смотрела на Линь Илуна, и вдруг рассмеялась.

Линь Илун был крайне удивлен и широко раскрыл глаза: как она может смеяться в такой момент?

«Линь Илун, столько лет прошло, а твоя игра по-прежнему такая театральная. Когда же ты наконец перестанешь так притворяться? Разве ты не хочешь, чтобы все думали, что ситуация серьезна, что надвигается беда, и не хотят ввязываться в эту грязную историю? Ты что, сейчас выходишь на сцену, чтобы прославиться? Тебе не надоело? Думаешь, если переберешь на себя мою работу, то станешь победителем в жизни? Конечно, тебе плевать, действительно ли проблема будет решена — в любом случае ты не понесешь никаких последствий. Меня-то ты уже вытолкнул за границу, так что вся «виноватость» останется на мне, не так ли? Ты просто хочешь, чтобы я уступил тебе сцену, чтобы ты мог выступить в роли героя! Коллеги всегда помогают друг другу. Раньше ты разыгрывал свои сценки, устраивал шумиху — если это не касалось принципиальных вопросов, я закрывал на это глаза и иногда даже поддакивал тебе. Но сейчас самый ответственный момент, и я больше не могу потакать твоим выходкам. Линь Илун, лучше остановись на достигнутом, иначе это повредит отношениям между коллегами, как ты думаешь?»

«Что ты это несешь? Я из добрых побуждений помог тебе, а почему в твоих устах я вдруг превратился в подлеца? Господин Хуан, судите сами!» Линь Илун так разозлился, что волосы на лбу у него встали дыбом — их не смог удержать даже самый густой гель.

На протяжении всего этого времени Хуан Инань молчал. Как председатель совета директоров, он привык к тому, что руководители то ссорятся, то мирятся: в одну секунду они краснеют от гнева, а в следующую — ладят как одна семья. В деловой среде без таких навыков трудно дорасти до руководящей должности. Эти люди в дорогих костюмах ссорились у него на глазах, и со временем у него прижился «порок» — любить посмотреть на зрелище. Если бы не просьба о помощи от Линь Илуна, он бы ещё выпил глоток чая и понаблюдал за ними ещё немного. Руководитель по своему кругозору обязательно должен превосходить этих руководителей отделов — его взгляд на вещи и душевная широта должны быть гораздо шире.

Он прекрасно знает, кто действительно работает, а кто просто пустословит; он более или менее в курсе, у кого проблемы, а у кого — свои козырные планы. Линь Илун славится тем, что любит присваивать себе чужие заслуги и громко хвастаться — такова его натура, и коллеги нередко высказывают ему нарекания. Но все эти годы его не увольняли именно потому, что он действительно способен. Его излюбленная комбинация приемов очень эффективна в отношениях со СМИ: если дело не касается конкретных фактов, а сводится к пустым разговорам, Линь Илун может говорить столько, сколько угодно, и это, напротив, пугает многих. А когда дело доходит до реальной работы, всегда найдутся те, кто способен её выполнить, поэтому он уверенно удерживает должность руководителя отдела маркетинга и остаётся на своём месте уже столько лет. В компании затраты на замену одного сотрудника гораздо выше, чем на его подготовку, тем более если речь идет о старом знакомом, которого знают досконально и с которым легко общаться — этот принцип Хуан Инань понимает слишком хорошо.

Хуан Инань прочистил горло и наконец заговорил: «Вы же не дети, а ссоритесь, как малыши. Илонг, на этот раз тебе придется потрудиться и уделить больше внимания общественному мнению. Что касается проекта по экранизации романа Цзян Чуюя, думаю, стоит попробовать. Сяоцзюнь — одна из нас, она готова поделиться своей историей и приложить усилия ради блага концерна, и мы обязаны её поддержать и поощрить. Конкретную работу пусть всё же ведёт Сяоцзюнь, по-прежнему подчиняясь напрямую Чжао Хаю. Но, Сяоцзюнь, скажу прямо: я требую не только контроля затрат, но и прибыли. В нашей отрасли бури — это нормальное явление, и они не страшны, главное — преодолеть их. Жду твоего плана. Тебе есть что сказать?»

Текущая ситуация в основном соответствовала целям Гу Сяоцзюнь: Хуан Инань фактически согласился поручить ей руководство видеобизнесом, а «Хаокан Энтертейнмент» не будет полностью расформирована. Стоявшая рядом с ней Ань Я уже не могла сдержать внутреннего ликования от победы, и её глаза сияли от волнения. Чжао Хай тоже молча вздохнул с облегчением.

Однако Гу Сяоцзюнь не собиралась на этом останавливаться. Она не могла упустить эту редкую возможность, когда все высшее руководство группы собралось вместе. Как гласит пословица: «Ударь змею в седьмой дюйм». Если не решить ключевые институциональные проблемы, то даже если её сотрудники и останутся, то рано или поздно, не сумев реализовать проекты, им всё равно придётся сворачивать лавочку и уходить. Некоторые вещи необходимо прояснить именно сегодня.

Все ждали ответа Гу Сяоцзюнь. Она не торопясь достала из папки несколько листов бумаги и протянула их Хуан Инаню.

«Генеральный директор Хуан, посмотрите, чем занимаются наши конкуренты?»

Генеральный директор Хуан взглянул на документы, которые протянула ему Гу Сяоцзюнь. Это был план сотрудничества двух крупнейших конкурентов Группы S под названием «TSB Entertainment и Yuexin Entertainment объединяются для создания новой экосистемы развлечений». Согласно плану, две компании объединят свои силы, восполнят недостатки друг друга ресурсами и разработают три сериала, ориентированных на разные группы зрителей,

одну музыкальную программу и одно реалити-шоу, права на которое будут приобретены у Южной Кореи.

«Откуда у вас эти материалы? Что вы имеете в виду?»

Чжао Хай тоже не понимал, что затевает Гу Сяоцзюнь. Он нервно взглянул на предложение и подмигнул Гу Сяоцзюнь, давая ей понять, что не стоит действовать опрометчиво и лучше остановиться на достигнутом.

Гу Сяоцзюнь сделала вид, что ничего не заметила, и объяснила Хуан Инаню: «Этот план они официально обнародуют на следующей неделе; информация поступила от рекламодателей, и она достоверна. Я хочу просто объяснить всем, почему мы потерпели неудачу, почему оказались в нынешней пассивной ситуации и почему сегодня состоялась эта встреча. Можно сказать, что рынок неблагоприятен, отрасль переживает спад, пандемия повлияла на реальную экономику, а оттуда — и на нашу отрасль. Но подумайте сами: сигналы кризиса в отрасли появлялись уже давно, и наши конкуренты тоже сталкиваются с проблемами спада. А пока другие объединялись в сильные альянсы, чем мы занимались?»

Гу Сяоцзюнь посмотрела на Цю Дачжи, который сегодня так и не высказался. Цю Дачжи сегодня действительно вел себя сдержанно, и все уже успели забыть, что этот руководитель, ответственный за разработку стратегии, тоже присутствует на встрече.

Цю Дачжи был тучным человеком и потел даже от малейшего движения; теперь, под пристальным взглядом Гу Сяоцзюнь, он невольно достал платок и вытер лоб: «Сяоцзюнь, говори прямо». Сказав это, Цю Дачжи сразу же пожалел — он предвидел, что доведенный до крайности Гу Сяоцзюнь действительно может высказаться прямо, не заботясь о его репутации.

«Начиная с прошлого года, мы разработали ряд положений, касающихся утверждения проектов компании, и ввели подробную систему рассмотрения предложений. Каждый проект должен пройти оценку и получать баллы от экспертной комиссии; для сценариев, актёров и других деталей установлены строгие стандарты и критерии. Но все упустили из виду одну важнейшую проблему: стандарты всегда учитывают самые низкие требования, но не могут охватить самые высокие. Установленные нами стандарты могут определять лишь минимальные требования, но творчество зачастую не поддается стандартизации. А мы как раз и работаем в культурной индустрии, где творчество необходимо больше всего. Стандарты системы утверждения означают, что все направления должны сходить к одному, что равносильно отказу от инноваций и других возможностей».

Как только Гу Сяоцзюнь закончил говорить, в зале поднялся шум — эти слова были слишком провокационными. Раньше у всех были те или иные претензии к корпоративным правилам, но никто не осмеливался высказывать их прямо в присутствии высшего руководства, особенно перед боссами Хуан Инань и Цю Дачжи — одним из них принимает решения, а другой устанавливает правила. Высказывать им свои замечания — значит нарываться на неприятности, не так ли? Это всего лишь работа: получаешь ежемесячную зарплату и премии — и всё в порядке. Зачем маленькой ручонке лезть на толстое бедро?

Гу Сяоцзюнь не то чтобы не понимала этого, но сейчас над ней нависла угроза — сокращения вот-вот дойдут и до неё, и если она не скажет об этом сейчас, то больше у неё не будет такой возможности.

Цю Дачжи побледнел: «Сяоцзюнь, сегодняшнее собрание посвящено обсуждению будущего «Хаокан Энтертейнмент», а не системе утверждения проектов — это две разные вещи, давай не будем их путать».

«Если с методами работы что-то не так, у компании не будет будущего». Гу Сяоцзюнь сегодня твердо решила раскрыть всю правду: стрела, выпущенная из лука, не возвращается, и даже если ей придется умереть, она хочет умереть с чистой совестью.

«Эта система утверждения проектов была обсуждена всеми вместе в своё время. Компании нужен стандарт, чтобы предъявлять требования к каждой проектной группе; нельзя поз-

волять всем работать над проектами как им вздумается — иначе мы превратимся в разрозненную толпу!» — Цю Дачжи тоже занервничал.

«Когда система только разрабатывалась, она не проверялась на практике, поэтому мы не будем её комментировать. Но теперь, после столь длительного опыта, нам необходимо подвести итоги и оценить её плюсы и минусы. Приведу пример: если первые несколько проектов успешно прошли совещания, это неизбежно станет эталоном, влияющим на выбор актёров и режиссёров, сроки съёмок и размер бюджета. Если с актёром А удалось пройти совещание, то в последующих проектах все будут искать именно А. В результате гонорар А растёт не потому, что он сам просит повышения, а потому, что мы сами завышаем его цену, и, следовательно, стоимость проектов становится всё выше. То же самое касается и других аспектов, помимо актёров. У меня здесь есть годовой отчет по проектам с их обобщением и анализом. Из этого отчета вы сможете ясно увидеть, какие ловушки мы сами себе устроили», — сказав это, Гу Сяоцзюнь достала из сумки ещё один документ.

Все переглянулись: слова Гу Сяоцзюнь были явно направлены на Цю Дачжи из отдела стратегии, и все с нетерпением ждали, что скажет этот руководитель отдела.

«Г-н Сяоцзюнь, ваши слова — это слишком тяжёлое обвинение в наш адрес. Наша стратегия была разработана после тщательного исследования и анализа данных, и многие компании используют её в качестве образца. Неужели вся отрасль ошибается? Если в проекте есть проблемы, их можно анализировать отдельно, но возлагать всю ответственность на правила — это слишком односторонний подход. Мы разрабатываем правила, безусловно, для того, чтобы создавать качественные работы, получать хорошую прибыль и приносить пользу группе. Правила — это нечто статичное, а люди — динамичны. Возможно, наша команда неверно поняла стратегию или допустила ошибки при её реализации. Это, безусловно, комплексная проблема, и нельзя все сваливать на стратегию».

«Генеральный директор Цю, то, что я сегодня говорю, ни в коем случае не направлено лично против вас или вашей команды, и я не отрицаю результаты вашей предыдущей работы. Я просто анализирую причины прошлых неудач и ищу более эффективные методы. Вы сказали, что стратегия разрабатывается для создания качественных проектов и благополучия группы — в этом нет ошибки, но нам нужно посмотреть на результаты. Улучшились ли показатели нашей компании и группы? Или ситуация дошла до того, что сегодня приходится сокращать весь отдел «Хаокан Энтертейнмент»? Очевидно, ожидаемого эффекта достигнуто не было».

Цю Дачжи только хотел возразить, как его снова прервал Гу Сяоцзюнь: «Только что генеральный директор Чю упомянул проблему с персоналом, и это как раз напомнило мне об одном. У нас очень серьёзная утечка кадров: с прошлого года люди постоянно уходят, причём в основном это сотрудники, проработавшие в компании более трёх лет — те, кто добился успехов и вырос в компании. Одной из причин их ухода является уровень заработной платы, но главная причина — отсутствие уважения. Мы платим им за их время, но не уважаем их труд, и им ничего не остаётся, как искать руководителей и компании, которые больше ценят их работу. Их уход способствует росту проектного портфеля и производительности наших конкурентов, что наносит нам огромный скрытый ущерб. Эту проблему мы также должны признать».

В этот момент все снова обратили взоры на руководителя отдела кадров, господина Лю. Господин Лю — один из старейшин компании, который начинал бизнес вместе с Хуан Инаном. То, что Гу Сяоцзюнь осмелилась пойти наперекор господину Лю, заставило всех подумать, что она, должно быть, сошла с ума — сцена была слишком напряжённой. Гу Сяоцзюнь не зря прозвали «чёрной вдовой шоу-бизнеса». Все пристально следили за каждым движением господина Лю, не смея даже вздохнуть.

Генеральный директор Лю много лет работал в кадровой сфере и видел в жизни немало людей. Наблюдая, как Гу Сяоцзюнь сегодня, словно пулемёт, обрушивается на всех по очереди,

он вполне мог понять: она просто вымещает злость, ведь её довели до крайности. В речи Гу Сяоцзюнь было что-то от той бесстрашной отваги, которая бывает у человека перед смертью.

Генеральный директор Лю не рассердился, а сначала улыбнулся доброжелательно: «Сяоцзюнь, все эти вопросы мы уже подробно обсуждали с генеральным директором Хуан, особенно перед этим сокращением. Мы достаточно хорошо изучили кадровую структуру и распределение обязанностей в «Хаокан Энтертейнмент». Текучесть кадров в нашей отрасли — это нормальное явление, но ущерб, который она нам наносит, действительно нельзя игнорировать. Поэтому в ходе этого сокращения мы сохранили опору компании, переведя этих сотрудников в головной офис группы, и надеемся, что после перестройки они смогут вернуться на вершину».

«Генеральный директор Лю, самое важное в управлении компанией — это не передовые технологии и великие стратегии, а талантливые люди. Раньше мы не уделяли достаточно внимания росту и развитию сотрудников. Как только вакансировалась ключевая должность, мы в первую очередь обращались к внешнему рекрутингу, не рассматривая возможность продвижения по службе старых сотрудников, проработавших в компании много лет, и даже молодых сотрудников. Мы недостаточно гибко применяли наши правила, не проявляли смелости в подборе кадров, работа не приносила радости — ни старые, ни новые сотрудники не видели для себя перспектив, и, естественно, уходили работать в другие компании. Мы же не можем требовать от всех, чтобы они ограничивали своё личное развитие? Как совместить личное развитие сотрудников с развитием компании — это та задача, на которой нам предстоит сосредоточиться в дальнейшем. Генеральный директор Лю, что вы об этом думаете?»

«Генеральный директор Сяоцзюнь права: нам нужно постоянно делать выводы и реагировать на изменения». Генеральный директор Лю не стал возражать вслух, но про себя ругался: «Гу Сяоцзюнь, какой смысл тебе сейчас пускать пустые слова? Компанию уже сократили. Если хочешь спасти её, нужно смиренно слушаться и умолять группу оставить тебя. Раздражать людей здесь — значит нарываться на неприятности!»

«Генеральный директор Лю, я помню, что когда я только пришла, вы особенно заботились о нас. Именно вы помогли мне высказать генеральному директору Хуан два требования: во-первых, компания не должна требовать от продюсеров фиксированного графика работы, поскольку специфика нашей работы такова, что нам приходится решать задачи в любое время и в любом месте, и нельзя жестко ограничивать рабочее время; во-вторых, необходимо увеличить лимит на возмещение расходов, ведь продюсеры постоянно вынуждены организовывать встречи и приглашать людей на обеды — хорошие отношения с людьми помогают решать больше проблем и экономить больше средств. Ваша забота о нас и то внимание, которое вы нам уделяете, чрезвычайно важны для нашей работы, и нам всем нужна ваша поддержка».

Услышав эти слова, генеральный директор Лю мгновенно побледнел. Когда компания терпит убытки и находится на грани банкротства, зачем ты, Гу Сяоцзюнь, говоришь такое? Это же не похвала в мой адрес, а намек Хуан Инаню на то, что высокие расходы — это результат того, что я когда-то добился для вас льгот? Гу Сяоцзюнь действительно сошла с ума. Но на первый взгляд эти слова звучали как благодарность, и генеральный директор Лю выжал из себя улыбку, которая прoderжалась всего секунду.

Хуан Инань долго наблюдал за этим зрелищем, и у него даже немного выступил пот. Он сделал глоток воды и подумал про себя: «Ну когда же вы, ребята, наконец, перестанете ссориться? Пора уже мне высказаться, разве не так?»

«Сяоцзюнь, я лично ознакомлюсь с теми документами, которые ты только что принесла. Раз ты заранее подготовилась, просто выскажи свои мысли — мы же все свои». Хуан Инань понял, что Гу Сяоцзюнь в этой ситуации не остановить ни за что, и решил, что лучше пусть она сразу всё прояснит. В этот момент не стоило заботиться о чьём-то престиже — ведь на кону стояла судьба целой компании, а престиж — самая бесполезная вещь.

«Мне нужно оставить часть сотрудников и заново сформировать „Хаокан Энтертейнмент“. Необходимо не только создать команду, которая будет специально заниматься кинопроектом Цзян Чуюя, но и довести до конца все проекты, съемки которых уже начались и которые сейчас находятся на стадии постпродакшна. Самое ценное у «Хаокан Энтертейнмент» — это репутация и влияние. Это бренд, который мы все создавали, вкладывая в него столько лет времени и сил. Если этот бренд рухнет, это непременно подорвет доверие инвесторов ко всей нашей группе. Генеральный директор Хуан, дайте мне полгода, и я поставлю перед собой цель — вывести «Хаокан Энтертейнмент» из убытка и выйти на прибыль», — сказала Гу Сяоцзюнь очень решительно, особенно четко произнесла слова «выйти из убытка и выйти на прибыль».

Не дожидаясь ответа Хуан Инаня, Линь Илун первым выступил с возражением, не стесняясь в выражениях: «Гу Сяоцзюнь, не думай, что твои громкие слова позволяют тебе строить воздушные замки. Если бы ты мог обеспечить прибыль, чем бы ты занимался все эти годы? Почему ты решил искать способы выхода из убытка только тогда, когда группа приняла решение закрыть этот бизнес? Кому ты тут обещаешь золотые горы? Чем красивее слова сейчас, тем громче будет звук, когда тебе «по лицу»! К тому же решение группы — это решение, а не пустой звук, который можно просто так отменить. Вылитую воду не собрать обратно, а воскресить умирающее дело — это не так-то просто!»

Гу Сяоцзюнь ничуть не удивилась отношению Линь Илуна, ведь если бы она сохранила видеобизнес и продолжала им руководить, это означало бы, что Линь Илуну не удалось расширить сферу своего влияния. У него редко выпадает шанс устранить этих соперников и взять власть в свои руки — как он мог так легко от этого отказаться?

«Генеральный директор Линь, смогу ли я это осуществить — это зависит от моих способностей. Вы можете не верить, но это не значит, что у меня не получится. Ваш кругозор ограничивается этим, но генеральный директор Хуан и остальные присутствующие не обязательно думают так же. Раз я осмелилась прямо затронуть эту проблему в такой момент, не побоявшись настроить против себя всех руководителей, это означает, что я уже решила сжечь мосты и пойти ва-банк — «поставить себя в безвыходное положение, чтобы потом выжить». Нам крайне необходимо создать будущее. «Ждать смерти» — не девиз нашей группы, а «смело думать и смело бороться» — вот наш девиз. Я не заставляю группу отменить решение, я просто прошу оставить часть сотрудников и бизнеса, чтобы дать всем последний шанс. Таким образом мы не только сохраним шанс на успех, но и стабилизируем настроения, сведем негативную общественную реакцию к минимуму и покажем миру, что мы не бездушные капиталисты. Мы ведём бизнес по плану, накапливаем силы и сохраняем доверие к нам со стороны общественности. Господин Хуан, выход из убыточности — это отнюдь не пустые слова. В современной кино- и телеиндустрии уже не время зарабатывать быстрые деньги, но результаты должны проявиться уже скоро. Мы участвуем в марафоне и не можем выйти из гонки только потому, что путь длинный, уступив дорогу другим. Группе S нужна ещё более великая история, а «Хаокан Энтертейнмент» нуждается в доверии и поддержке со стороны группы. «Генеральный директор Хуан, ваше решение влияет на всю кино- и телеиндустрию. Пожалуйста, поверьте нам и дайте нам последний шанс». Гу Сяоцзюнь не собиралась сдаваться: раз уж дело дошло до этого, отступить — значит погибнуть, а только борясь до конца, у неё останется шанс на выживание. Она уже сделала всё возможное, чтобы не уронить авторитет босса, предоставив группе достаточные аргументы и возможность спасти лицо; она верила, что Хуан Инань обязательно поймёт смысл её слов.

У Чжао Хая тоже выступил пот — он действительно недооценил боевой дух Гу Сяоцзюнь. Теперь он оказался в безвыходной ситуации: поражение Гу Сяоцзюнь не принесет ему никакой пользы, а только её победа позволит ему не считаться проигравшим и сохранить своё место в группе, не допустив, чтобы Линь Илун отнял у него часть власти. В этот момент он испытывал

неимоверное напряжение: как же отреагирует на сложившуюся ситуацию Хуан Инань, будучи боссом?

Хуан Инань сейчас внешне сохранял спокойствие, но внутри его душа была раздираема противоречиями. Увольнения уже объявлены — разве отмена этого решения не будет означать, что он сам «ударит себя по лицу»? Хотя Гу Сяоцзюнь и предоставила ему выход и аргументы, в словах Линь Илуна тоже была доля правды: управление компанией — это бизнес, а не детская забава. Он снова и снова обдумывал ситуацию, у него немного разболелась голова, а в голове постоянно звучали слова Гу Сяоцзюнь: «выйти из убытка и начать приносить прибыль». Сегодня Гу Сяоцзюнь выступила с полной отдачей и успела обидеть всех подряд.

Он был уверен, что она не сошла с ума: она была чрезвычайно сдержанна и хладнокровна, пришла сюда, тщательно подготовившись, и те отчёты — тому подтверждение. Стоит ли доверять её словам — это, конечно, под вопросом, но что с ней станет, если не дать ей этот шанс? Вероятность того, что она подчинится распоряжению компании и вернётся в головной офис, невелика — в конце концов, она уже обрушилась с нецензурной бранью на руководителей отделов стратегии и кадров. Хуан Инань, додумавшись до этого, вдруг всё понял: Гу Сяоцзюнь оказывает на него давление — «Я даю тебе шанс помочь мне вывести компанию из убытка и обеспечить прибыль; оставив меня, ты ничего не потеряешь. Если же ты не поступишь так, как я говорю, я обязательно соберусь с силами и создам собственную компанию». Должно быть, так и есть, иначе зачем бы она поднимала вопрос о кадровых изменениях? Те, кого она хочет оставить, — это люди, в которых она уверена, все они — её подчинённые, и при наличии заработной платы будут работать где угодно.

Хуан Инань уже почти тридцать лет бороздит деловые воды, но впервые испытывает такое давление со стороны женщины. Каждое слово Гу Сяоцзюнь было сказано ради блага концерна и ради него самого, и у него не было повода для гнева — он чувствовал себя обманутым. Гу Сяоцзюнь, Гу Сяоцзюнь, какая же ты коварная!

Дойдя до этой мысли, Хуан Инань понял, что сколько бы он ни ломал голову, лучшего решения не найдётся, так что лучше сначала стабилизировать ситуацию. Раз уж он уже потерпел невыразимую обиду, он не может терять достоинство босса, и, конечно же, не может на глазах у стольких людей дать Гу Сяоцзюнь эту лестницу, чтобы она по ней поднялась. Если сегодня он позволит Гу Сяоцзюнь взять над ним верх, где же тогда останется его авторитет как босса? Сегодня это Гу Сяоцзюнь, а завтра может появиться какая-нибудь Ван Сяоцзюнь или Ли Сяоцзюнь. Хуан Инань собрался с мыслями и сказал: «Сегодняшнее обсуждение было достаточно исчерпывающим. Я понимаю трудности, с которыми сталкиваетесь, и ваши искренние усилия ради блага компании. Спасибо всем за труд. На сегодня всё, нам нужно время, чтобы обдумать ситуацию. Все можете возвращаться к работе».

Так вот и всё? Сцена, в которой только что царила напряжённая атмосфера, полная открытых и скрытых выпадов, так внезапно закончилась? Все были немного разочарованы, но в то же время слегка вздохнули с облегчением.

Линь Илун с явным недовольством бросил гневный взгляд на Гу Сяоцзюнь.

Хуан Инань сделал вид, что забыл что-то: «Кстати, Чжао Хай и Гу Сяоцзюнь, зайдите ко мне в кабинет». Сказав это, он, не оглядываясь, быстрым шагом вышел из конференц-зала.

Услышав слова Хуан Инаня, Линь Илун не стал с этим мириться, но когда он попытался остановить босса, тот уже, словно испарившись, быстро покинул это место конфликта.

В концерне в этой комнате на совещаниях собирались только «старые вояки», прошедшие через огонь и воду на рабочем поле. Все понимали этот прием босса — так называемый принцип «на большом собрании шум, а на маленьком решаются судьбы». Если на большом собрании у подчиненных возникали разногласия, а босс не мог сразу принять решение или ему было неудобно делать это напрямую, то, чтобы не обидеть ни одну из сторон, он тактически объявлял «перерыв». Самое важное — это посмотреть, кого босс позовет в свой кабинет после

заседания: та сторона, которую он вызовет, будет означать, что он склоняется в её пользу, а другая сторона, естественно, поймёт намек босса. Затем обе стороны в частном порядке найдут способ достичь определённого согласия, благодаря чему босс не окажется в неловком положении, а в коллективе сохранится гармония. В этом заключается искусство быть боссом, а также негласное взаимопонимание между подчинёнными и руководством.

Теперь, когда Хуан Инань вызвал Чжао Хая и Гу Сяоцзюнь в свой кабинет, его намерения стали очевидны. Линь Илун больше не мог ничего сделать, чтобы отстоять свою позицию — подрывать авторитет начальника было для него невыгодно. Ему оставалось только посмотреть на Цю Дачжи, Лю и других; остальные, кроме как беспомощно вздохнуть, ничего не могли сделать. Все понимали: в деловой среде терпение приносит успех, и не все такие, как Гу Сяоцзюнь.

Чжао Хай и Гу Сяоцзюнь, которых вызвал Хуан Инань, переглянулись в коридоре. У Чжао Хая было сложное выражение лица, а взгляд был многозначительным. Он пожалел, что сегодня, выходя из дома, не заглянул в астрологический календарь — почему же ему пришлось пройти через это испытание?

Хуан Инань вернулся в офис и с шумом опустился на стул. Не успел он и рта раскрыть, как Чжао Хай опередил его: он схватил стопку документов, которую только что достала Гу Сяоцзюнь в конференц-зале, и с силой швырнул их на пол, после чего резко обрушился на Гу Сяоцзюнь: «Гу Сяоцзюнь, что вообще означали те слова, которые ты только что произнесла в конференц-зале? Почему ты ведешь себя так импульсивно? Что означали те слова, которые ты только что сказала генеральным директорам Цю, Лю и Линь? Мы все — товарищи по оружию, все свои люди. Из-за того, что у группы возникли небольшие трудности, а твоя карьера столкнулась с небольшими препятствиями, ты забыла о давней дружбе и говорила так жестоко, как только могла. Ты что, хочешь разорвать все отношения? Ты не думаешь об общем благе! Ты ещё считаешь генерального директора Хуан и меня достойными уважения?»

Такая реакция Чжао Хая действительно заставила Хуан Инаня вздрогнуть. Все эти годы, проведённые под его руководством, Чжао Хай всегда был вежливым и сдержанным, редко выходил из себя, и Хуан Инань очень ценил эту его черту. Похоже, на этот раз он действительно разозлился.

Гу Сяоцзюнь не испугалась поведения Чжао Хая: она не только не отступила, но и сделала шаг вперёд, пристально уставившись на Чжао Хая взглядом, от которого дух захватывало: «Генеральный директор Чжао, мы работаем вместе уже много лет. «Хаокан Энтертейнмент» — это плод наших совместных усилий. Сколько сил мы вложили в эту компанию? Мы проводили с сотрудниками даже больше времени, чем с собственными семьями! А теперь компания вот-вот распадется. Как вы можете с таким безжалостным сердцем смотреть, как она исчезает навсегда? А как же плоды нашей работы? Разве ничего не останется?»

«Что осталось? Куча долгов? Мы задолжали больше, чем заработали! Если бы мы хорошо управляли компанией, принял бы концерн такое решение?»

«Именно из-за этой реальности нам не следует ли тщательно проанализировать ситуацию и проанализировать свои действия? Нельзя же увольнять всех только из-за одного заявления о падении показателей!»

«Это и есть результаты твоего анализа, твои размышления?» — Чжао Хай указал на разбросанные по полу документы.

«Да! Это только часть, и этого недостаточно! Ты говоришь, что я не считаюсь с нашей прежней товарищеской дружбой, но я уже достаточно вежлив. А самое резкое я ещё не сказал!»

«Ну же, говори сейчас, давай послушаю, что ещё ты можешь сказать такого неприятного!»

«Раньше концерн, стремясь к росту показателей, постоянно расширял масштабы компании, и мы выполняли его указания. Мы выкопали целую гору ям, все до конца, а теперь гово-

рят, что эти ямы не нужны, давайте все уберем — как это называется? Копать — да, а засыпать — нет!»

«Но рынок сейчас именно такой: нехватка средств, политические ограничения, стремительный рост цен, низкая ликвидность — и заказчикам, таким как телеканалы и сайты, тоже приходится нелегко. Ты же на передовой руководишь производством, тебе не может быть неизвестна текущая рыночная ситуация — все идут на крайние меры, чтобы спастись».

«Именно потому, что сейчас рынок в плохом состоянии, мы, как компания, имеющая большое влияние в отрасли, тем более должны взять на себя социальную ответственность. Нельзя решать проблемы таким универсальным подходом — закрыть глаза, сделать вид, что проблемы не существует, и считать, что проблема решена?»

«Это решение концерна. Мы — сотрудники концерна, и мы обязаны его выполнять. Ты это понимаешь?»

«Я понимаю. Даже если группа уволит и тебя, и меня, мы не умрём с голоду — найдём достойную работу, чтобы зарабатывать на жизнь. Но ты задумывался о положении тех сотрудников, которых ты собираешься уволить — тех, кто выбрал работу у нас ради бренда «Хаокан Энтертейнмент» и ради нашей с тобой репутации? Ты лишишь их работы в одночасье — куда им теперь деваться? Ты же знаешь, что сейчас рынок в плохом состоянии — ты что, хочешь, чтобы они все переквалифицировались в курьеров по доставке еды или посылок?»

«В любой отрасли есть риски, мы тоже не справляемся с расходами, но что поделать?»

«Даже если не брать их во внимание, а как же мы сами? А как же наши профессиональные идеалы? Столкнувшись с трудностями в отрасли, мы просто пойдем по течению? Почему бы нам не попробовать вместе найти способ выйти из убытка? Полгода — нам нужно всего полгода, чтобы увидеть результаты».

«Гу Сяоцзюнь, генеральный директор Хуан просто не стал говорить вам об этом при стольких людях, чтобы не поставить вас в неловкое положение. Не перегибайте палку. Повторю ещё раз: нынешнее решение принято на уровне концерна, и мы не можем действовать так, будто мы — властелины, способные создавать облака и дождь по своему желанию».

«Делать всё, как вздумается? Генеральный директор Чжао, разве мы не делали этого достаточно часто? Процессы реализации проектов меняются из дня в день, а проектные стратегии, сроки запуска, инвестиционные бюджеты — разве не всё это постоянно меняется? Все эти обстоятельства приводят к однообразию проектов и несоответствию законам производства. Раньше жаловались, что проектов слишком мало, потом — что их слишком много, а теперь вообще ликвидировали компанию. Так кто же на самом деле делает всё, как вздумается? Вы думаете, что правила и процессы, установленные теми людьми снаружи, действительно идут на пользу группе?»

«Ты всё больше перегибаешь палку! «Те люди»! Все они — опора компании, внесшие огромный вклад в её развитие и обладающие богатым опытом. Ты что, собираешься отрицать даже их работу?»

«Я не отрицаю их, я отрицаю тебя! Вся эта бесполезная работа — из-за тебя!»

«Из-за меня?» Чжао Хай просто не мог поверить своим ушам.

«Да! Из-за твоего бездействия! Ты не смеешь идти на риск, привлекаешь их, чтобы они помогли тебе избавиться от внутреннего беспокойства и растерянности, создавая иллюзию, что, пока они работают, ты чувствуешь себя в безопасности!»

«Гу Сяоцзюнь, Гу Сяоцзюнь!» Чжао Хай прижал руку к сердцу, отступил на два шага и с грохотом рухнул на диван позади себя.

Сидевший напротив Хуан Инань наконец не выдержал: «Ладно, вы двое, хватит ссориться!» Слова Гу Сяоцзюнь, казалось бы, были обращены к Чжао Хаю, но каждое из них было направлено именно на него — как он мог этого не понять?

«Гу Сяоцзюнь, то, что ты только что сказала, с твоей точки зрения, возможно, и верно, но я, как босс, как бизнесмен, говорю тебе: ты не права! Почему я должен выкладывать несколько сотен миллионов, чтобы вы и те актёры, режиссёры могли реализовать свои идеалы? Я вкладываю реальные деньги на счёт компании, а что получаю в итоге? В нынешних условиях, даже если ты будешь вытворять что угодно, это всё равно что пытаться голыми руками остановить поезд. Чем больше ты стараешься, тем быстрее потерпишь крах — такова реальность бизнеса. Какие бы у тебя ни были идеалы и способности, тебе придется с этим смириться и терпеть. Эту безысходность ты никогда не поймешь, пока не займешься бизнесом. Деньги не прыгают тебе в карман просто потому, что ты об этом говоришь. Ваша съемочная группа из трех-четырех сотен человек, проработавшая два-три месяца, в итоге не может превзойти одного инфлюенсера, ведущего прямые эфиры — вот такая реальность! Загляните в этот офисный центр и посмотрите, сколько людей из других отраслей работают без перерыва днём и ночью, проводят бесконечные совещания, бесстыдно завязывают отношения с клиентами, экономят на каждой копейке, чтобы только через год выйти в плюс или, в лучшем случае, просто не уйти в минус! И это при условии, что вам повезёт: политика будет благоприятной, стратегия разработана без грубых ошибок, конкуренты не подставят вас, и никто не будет создавать вам проблем! Вы думаете, я действительно хочу уволить вас всех, чтобы сократить убытки и сэкономить на расходах? Я хочу убедить большинство из вас поскорее сменить отрасль: кто может переквалифицироваться — пусть переквалифицируется, найдите место, где можно зарабатывать на жизнь, и не дожидайтесь, пока мы не сможем выплатить вам ни копейки, пока у вас не останется денег на обучение детей, на погашение ипотеки или на еду, и вы не начнете блокировать вход в штаб-квартиру группы! Я надеюсь, что все сотрудники «Хаокан Энтертейнмент», где бы они ни работали, смогут жить просто, зарабатывать просто и просто вносить свой вклад в общество, а не изнурять себя и изводить себя до изнеможения!»

Хуан Инань — бизнесмен и предприниматель. Он много лет проработал в мире бизнеса, пережил такие трудности и лишения, которые не каждый может понять, и видит гораздо дальше, чем обычный человек. Он знает: как только накопленное годами богатство будет разрушено, обвал произойдет в мгновение ока, и этот ущерб необратим — потребуется гораздо больше времени и усилий, чтобы вновь его накопить.

После этих слов в офисе воцарилась тишина.

Гу Сяоцзюнь замолчала. Хуан Инань оказался гораздо сильнее и решительнее, чем она предполагала; его слова были искренними и убедительными, в них чувствовались беспомощность и решимость руководителя.

«Но Гу Сяоцзюнь, то, что ты только что сказала, всё же тронуло меня. Я говорю тебе всё это в надежде, что ты поймёшь трудности компании и, главное, осознаешь, какая ответственность лежит на твоих плечах! Сколько бы усилий ты ни прикладывала, ты не сможешь изменить всю отрасль, но если сможешь оказать на неё хоть какое-то положительное влияние, то это дело стоит того, чтобы ты им занялась. Эти сокращения не для того, чтобы лишить всех еды, а для того, чтобы дать вам некоторую передышку и напомнить: люди всё-таки не умрут с голоду. Я могу оставить для тебя часть сотрудников. Запомни то, что ты только что сказала: «Выйти из убытка и начать приносить прибыль». Гу Сяоцзюнь, эти четыре слова — твои!» — произнес Хуан Инань, стиснув зубы и выговаривая каждое слово по отдельности.

«Генеральный директор Хуан, Сяоцзюнь в порыве эмоций пообещала слишком много. У «Хаокан Энтертейнмент», помимо проектов, которые уже запущены, есть ещё проекты, которые предстоит закрыть, и на это нужно время, не говоря уже о подготовке новых проектов. Для достижения цели выхода из убытка в прибыль требуется время, а не импульсивные решения», — строго заметил Чжао Хай.

«Ладно, дам Сяоцзюнь ещё один шанс. Ты говорил о полугоде — я даю тебе год! Я хочу увидеть результаты в четвёртом квартале следующего года! И начиная с этого момента, каж-

дый квартал я должен видеть заметный рост в финансовых отчётах. Это дело затрагивает интересы всего концерна, поэтому конкретный план необходимо тщательно обсудить, прежде чем приступать к его реализации. С сегодняшнего дня, Чжао Хай, ты будешь подчиняться непосредственно мне и возглавишь работу по реорганизации «Хаокан Энтертейнмент». Вы будете отчитываться непосредственно передо мной, а остальные подразделения будут содействовать вашей работе. Если, несмотря на все эти меры со стороны Группы, «Хаокан Энтертейнмент» всё равно не достигнет поставленных целей, Гу Сяоцзюнь, ты знаешь, что тебя ждёт: в Группе для тебя не останется места, и ты не получишь от Группы никакой компенсации».

Чжао Хай и Гу Сяоцзюнь одновременно ответили: «Понято», «Поняли».

«Идите, приступайте к делу!» У Хуан Инаня голова была готова взорваться. Ему уже было лень думать о том, разыгрывают ли Чжао Хай и Гу Сяоцзюнь перед ним спектакль или действительно поссорились, и он решил дать им ещё один шанс, а «Хаокан Энтертейнмент» — ещё одну возможность. Если акции концерна пойдут вверх, он будет доволен.

Выйдя из кабинета Хуан Инаня, Чжао Хай инстинктивно вытер пот со лба и загадочно взглянул на Гу Сяоцзюнь.

«Спасибо», — Гу Сяоцзюнь от всего сердца была благодарна Чжао Хаю. Только что он притворился, будто выступает против неё и ссорится с ней, но на самом деле высказал все опасения Хуан Инаня, выиграв больше времени и одновременно свести к минимуму последствия невыполненной работы. Конечно, этот исход не был для него убыточным: в будущем он сможет напрямую отчитываться перед Хуан Инанем, что равносильно сохранению его должности.

Большинство людей, когда надвигается беда, разбегаются в разные стороны, немногие способны «добавить красок к уже красивой картине», а лишь единицы могут «помочь в беде». Такие люди, как Чжао Хай, которые помогают в беде и заодно поддерживают своих людей, — вот кто действительно обладает широким кругозором и способностями.

Чжао Хай слегка кивнул, заметив, что Линь Илун наблюдает за ними недалеко в коридоре. Он величественно подошёл к нему и, проходя мимо, похлопал Линь Илуна по плечу в знак утешения: «В будущем прошу тебя, Илун, по-прежнему заботиться о «Хаокан Энтертейнмент»».

Слова Чжао Хая равносильны тому, что он сообщил Линь Илуну о результате, развеяв его надежды на удачу: Гу Сяоцзюнь уже переломила ситуацию.

Гу Сяоцзюнь тоже подошла к нему, а Линь Илун, стиснув зубы, пробормотал сквозь зубы: «Отлично, ты меня поразила, Гу Сяоцзюнь».

«Приму это как комплимент. Кстати, я ещё не поздравила господина Линя с повышением».

Линь Илун так разозлился, что покраснел и надул шею, не смог сказать ни слова и, резко развернувшись, ушел.

В конференц-зале, где ещё мгновение назад кипела жаркая ссора, воцарилась тишина. Гу Сяоцзюнь вошла, закрыла дверь, подошла к панорамному окну и посмотрела вниз на этот город, переполненный самыми разными желаниями и мечтами. Её сердце билось быстро, но руки по-прежнему были ледяными. Она потерела ладони — сегодня был новый старт в её карьере, и она знала, что ей предстоит пройти чрезвычайно тяжелый и опасный путь. Она делала это не ради себя: помимо карьеры у неё была ещё более важная цель, от которой она не могла отказаться.

Она посмотрела вдаль: между небом и землёй, казалось, не было границы. Она словно птичка, запертая в этой клетке, обречённая не вырваться из оков желаний.

Цзян Чуяо, прости, мне нужна твоя помощь. Я верю, что ты меня поймёшь, ведь только так я смогу помочь тебе.

Две слезы тихо скатились по щекам, а за окном внезапно закружились снежинки.

Глава 4.

Зимой на севере воздух сухой, и у Гу Сяоцзюнь с детства часто шёл кровь из носа. Она включила все увлажнители в доме, плотно укуталась в одеяло и легла в постель.

Ши Мо уехал в командировку; перед отъездом он прибрал в доме до блеска, и Гу Сяоцзюнь чувствовала, что встретить Ши Мо — это большее счастье, чем выиграть джекпот в лотерею. Она знала всё о прошлом Ши Мо — узнала об этом в первый же день их знакомства.

В тот день у друзей дома проходила вечеринка. Ши Мо подал на стол изысканный ужин, друзья чокались бокалами и весело проводили время. Выпив несколько бокалов, кто-то предложил поиграть в игру «Вращающаяся бутылка»: тот, кто крутил бутылку, мог задать вопрос человеку, на которого указывало горлышко бутылки, и тот должен был ответить честно. Первым, на кого указала бутылка, оказался Ши Мо. Присутствующие начали подбадривать и аплодировать, а одна из девушек, застенчивая и взволнованная, с нетерпением ждала ответа Ши Мо. В конце концов, такой красавец неизбежно становился центром внимания. Чжан Ваньвань бросила Гу Сяоцзюнь многозначительный взгляд, и та мгновенно поняла, что половина цели этой вечеринки заключалась в том, чтобы свести эту девушку с Ши Мо. Гу Сяоцзюнь оглядела ту девушку — она была изящна, как кукла Барби, и они вполне подходили друг другу.

Первый вопрос был о том, сколько у Ши Моу было девушек. Ши Моу ответил: «Одна».

Кто-то начал визжать.

Сразу же все, словно сговорившись, стали каждый раз направлять горлышко бутылки на Ши Мо, и вопросы сыпались один за другим.

Гу Сяоцзюнь всё это время молчала, тихо слушая, и очень скоро сложила в голове целую историю:

Ши Мо и его первая любовь познакомились в школе: его взяли в команду по легкой атлетике, а девушку — в команду по волейболу. Позже, чтобы заработать деньги на подарок девушке на день рождения, он принял участие в конкурсе моделей, стал знаменитым в одночасье, а затем уехал учиться и работать за границу. У них начались отношения на расстоянии, которые продлились четыре года. После возвращения Ши Мо в страну, по его рекомендации, его девушка тоже стала фотомodelью, и они стали настоящей «золотой парой» в модельном мире. Многие модные журналы и рекламодатели начали заискивать перед ними, и они быстро стали самой заметной парой в мире моды, обретя целую армию поклонников.

Но счастье длилось недолго: девушка решила уйти из модельного бизнеса и на накопленные деньги вернуться домой, чтобы заняться собственным делом. Она знала, что рано или поздно ей придётся выйти замуж, и мечтала о стабильной семье, где она будет заботиться о муже и воспитывать детей. А Ши Мо хотел путешествовать по миру. В результате между ними начались ссоры, затем наступила «холодная война», и в конце концов они расстались в порыве гнева.

Ши Мо отвечал на вопросы очень непринуждённо, выпивая по бокалу вина после каждого ответа. Его губы касались края бокала, открывая вид на идеальный профиль, сексуальную линию подбородка и подвижное горло. Выпив бокал, он естественным движением проводил большим пальцем по углу рта — его губы были розовыми, и всё это не ускользнуло от внимания Гу Сяоцзюнь.

Наконец настала очередь Гу Сяоцзюнь крутить бутылку. Она была немного рассеяна, слегка нажала на запястье, и пустая бутылка стала кружиться по столу, пока горлышко в конце концов снова не указало на Ши Мо.

Все громко рассмеялись, Ши Мо почесал затылок, а затем развел руками, как бы говоря: «Ну и ладно».

Гу Сяоцзюнь не испытывала особых чувств к этому парню; как женщина за тридцать, она уже привыкла к подобным молодым парням. Она спросила вскользь: «Если бы твоя бывшая девушка вернулась и предложила возобновить отношения, ты бы согласился?»

Ши Мо ответил: «Нет».

Гу Сяоцзюнь: «А если бы она сказала тебе: „Я знаю, что поступаю неправильно, у тебя есть новая девушка, но я всё равно не могу тебя забыть. Я готова извиниться перед ней, готова принять на себя все обвинения и наказания. Мне больше ничего не нужно, я хочу только тебя“. Если бы так было, что бы ты сделал?»

Выражение лица Ши Мо внезапно застыло, его губы слегка приоткрылись, взгляд померк, а манера поведения стала серьёзной.

В этот момент Чжан Ваньвань наклонилась к Гу Сяоцзюнь и прошептала ей на ухо: «Сестричка, ты же все испортила, он всерьёз отреагировал».

Гу Сяоцзюнь потеряла плечи, собираясь поднять бокал, чтобы разрядить неловкость, но, не успев поднять бокал, Ши Мо сказал: «Возможно, я бы так и поступил».

В зале воцарилась тишина, воздух замер на несколько секунд, а затем Чжан Ваньвань первая взяла на себя инициативу, чтобы разрядить обстановку, и все вместе подняли бокалы. Гу Сяоцзюнь смутно почувствовала, что та девушка немного расстроилась.

После этого все закончили эту игру и начали сражаться парами, предлагая друг другу выпить. Ши Мо выпил немало, и его взгляд стал немного рассеянным. Гу Сяоцзюнь, скучая, в одиночестве вышла на балкон. В ту ночь луна была очень круглой, внизу густые стволы деревьев тянулись рядами, колыхаясь на ветру, а в воздухе витал аромат османтиса. Гу Сяоцзюнь подумала, не потому ли Су Ши написал свои бессмертные стихи, что видел когда-то такую же луну.

Не успела она дочитать в уме стихотворение Су Ши, как Ши Мо внезапно вошёл и встал рядом с ней.

Гу Сяоцзюнь почувствовала некоторое смущение и слегка коснулась своей чашкой чашки Ши Мо: «Прости, я просто пошутила, не принимай это близко к сердцу».

Ши Мо: «Слишком поздно, я уже принял это близко к сердцу».

Гу Сяоцзюнь: «Тогда я извиняюсь перед тобой, сестра».

Ши Мо достала телефон и сказала: «На самом деле я всё это время хранила её номер. Мне очень хотелось позвонить ей, но я так и не набралась смелости. Только что, когда ты меня спросила, мне стало очень тяжело, я вспомнила много моментов с ней. Сейчас мне очень хочется позвонить ей». С этими словами она нажала кнопку вызова.

Гу Сяоцзюнь сразу же запаниковала — ведь всё это началось из-за неё. Ши Мо перебрала с выпивкой, и на следующий день, когда протрезвеет и узнает, что вчера вечером позвонила бывшей девушке, она наверняка будет смертельно ненавидеть Гу Сяоцзюнь, эту сплетницу.

Гу Сяоцзюнь, не заботясь ни о каких манерах и приличиях, вырвала телефон из рук Ши Мо и попыталась прервать звонок.

Ши Мо отбил телефон обратной рукой и, используя свое огромное преимущество в росте, прижал Гу Сяоцзюнь к земле.

Главное качество Гу Сяоцзюнь как женщины — она никогда не признает поражения и не сдаётся. Она подпрыгнула, чтобы снова отобрать телефон, но сильно недооценила скорость реакции мужчины. Она отскочила назад, пытаясь уклониться от атаки Ши Мо, но, не успев разглядеть его движения, была с силой сбита с ног. Она услышала только звук разбивающегося стеклянного окна и собственный удар о пол, а затем — звон в ушах.

Позже Чжан Ваньвань вспоминала эту сцену: пока все в комнате пили, Ши Мо, обнимая Гу Сяоцзюнь, проломил стекло балкона и влетел в гостиную; осколки стекла разлетелись по полу, а всё выглядело словно сцена боевика с Джеки Чаном и Мишель Йе.

Когда Гу Сяоцзюнь пришла в себя, у неё уже шла кровь из головы; она с последних сил отключила только что набранный телефонный звонок. Ши Мо, шатаясь, поднялся с неё и полностью протрезвел.

Следующий день Гу Сяоцзюнь провела в больничной койке; врачи, опасаясь у неё сотрясения мозга, оставили её в стационаре на наблюдение. Ей очень хотелось сказать врачам, что рвота в больнице была не из-за удара головой о стекло, а из-за выпитого алкоголя.

В последующие дни Ши Мо взял на себя роль мужского санитаря, отказался от работы и постоянно ухаживал за Гу Сяоцзюнь. Он заботился о ней во всём — от еды и одежды до быта и повседневных дел — и со временем между ними зародились чувства.

Узнав об этом, Чжан Ваньвань подняла большой палец в сторону Гу Сяоцзюнь: «Сестра, ты не зря сестра! Мелодраматичные сцены... нет, вложить все силы — это быстрее, чем крутить бутылку».

Ши Мо привнес в жизнь Гу Сяоцзюнь слишком много перемен, осветив её мир, и она стала гораздо мягче, не желая больше вести жизнь, полную страха и напряжения, с её резким и неуступчивым характером. Она поделилась этой мыслью с Чжан Ваньвань и Ян И, и обе с восторгом поддержали её. Ян И была полна зависти и воскликнула: «Кто бы не хотел встречаться с молодым красавчиком?» Чжан Ваньвань же вздохнула: «Кто бы не хотел жить спокойно, если бы у него была такая возможность?»

Гу Сяоцзюнь была на седьмом небе от любви Ши Мо и время от времени напоминала себе, что нужно сдерживаться, потому что, в отличие от откровенности Ши Мо, она не осмеливалась раскрыть всё о своём прошлом — её история была слишком длинной. Она не скрывала ничего специально, но некоторые вещи было трудно объяснить, а даже если бы она и объяснила, Ши Мо не обязательно бы это принял. Если говорить об этом рискованно, то лучше просто жить сегодняшним днём и решать проблемы по мере их появления — разве не так поступают все влюблённые?

Гу Сяоцзюнь не заметила, как заснула, и ей снова приснился тот кошмар: темная лестничная клетка, шаги, ссора, нож, сверкающий серебристым блеском, а сразу после этого — крик о помощи. Но на этот раз было иначе: когда она, сжавшись в углу, закрыла уши ладонями, кто-то обнял её сзади. Она вздрогнула. «Не бойся», — прозвучал знакомый голос у её уха. Она обернулась — это был Ши Мо. На этот раз Ши Мо пришёл ей на помощь.

Раздался звонок телефона, и Гу Сяоцзюнь проснулась. Она обнаружила, что её одежда уже промокла насквозь.

Устало она сняла трубку. «Госпожа Гу, произошло несчастье: Цзи Цзе собирается прыгнуть с крыши компании, мы не можем её удержать», — Ан Я на другом конце провода была так взволнована, что чуть не заплакала.

Цзи Цзе? Гу Сяоцзюнь отчаянно пыталась вспомнить это имя, но ничего не приходило на ум.

Ань Я сказала в трубку: «Цзи Цзе — это та девушка из отдела контента, которая всегда носит красную шапочку. Она начала стажироваться в компании, ещё не закончив университет, а после перехода на постоянную работу уже три года занимается планированием в отделе контента. Возможно, она не может смириться с нынешними сокращениями в компании, потеряла самообладание. Сейчас ситуация очень опасная, сестренка, поезжай скорее сюда, я уже вызвала полицию».

Только тогда Гу Сяоцзюнь вспомнила: на каждом совещании в последнем ряду всегда сидела девушка в красной шапочке с круглым личиком, неразговорчивая, которая, не произнося ни слова, стучала по клавиатуре и делала записи.

Гу Сяоцзюнь повесила трубку и помчалась в компанию со всей скоростью. Она прорвалась мимо охранника, чуть ли не разбила кнопку лифта, в душе отчаянно повторяя: «Только бы никто не погиб», — и наконец поднялась на лифте на крышу.

Крыша была забита людьми, но никто не осмеливался подойти к Цзи Цзе. Цзи Цзе стояла одна на краю водосточного парапета, с тусклым взглядом, тихо уставившись вдаль.

«Цзи Цзе, пришла генеральный директор Гу! Если у тебя что-то на душе, поговори с ней — с ней все можно решить, спускайся скорее!» — воскликнула Ань Я, обращаясь к Цзи Цзе, словно дождавшись спасителя.

«Цзи Цзе, что с тобой? Если что-то случилось, поговорим внизу, я тебе помогу», — задыхаясь, проговорил Гу Сяоцзюнь.

Цзи Цзе обернулась и, увидев Гу Сяоцзюнь, инстинктивно поклонилась. От долгого стояния ноги у неё затекли, и она пошатнулась, и Гу Сяоцзюнь испугалась и крикнула: «Не двигайся, я сама к тебе подойду».

«Не подходите, господин Гу, вы мне не можете. Все идите домой, не уговаривайте меня, я уже приняла решение», — голос Цзи Цзе прозвучал звонко; Гу Сяоцзюнь впервые слышал, как она говорит.

«Твое решение — ошибка! Ты ещё так молода, многое можно решить, ничего страшного. Если тебя что-то беспокоит, просто скажи, я тебе помогу!»

«Как вы мне можете? Я столько времени работаю, а вы ни разу не обратили на меня должного внимания, верно? Если бы я сегодня не стояла здесь, вы бы даже не взглянули на меня, да?» — горько улыбнулась Цзи Цзе.

«Прости, раньше в компании было много людей, и я действительно не обращала внимания на твои чувства, но я видела твои усилия и усердие. Ты очень надежная девушка, ты заслуживаешь лучшего отношения. Я прошу у тебя прощения, позволь мне позаботиться о тебе в будущем, хорошо?»

«Ты видела мои усилия? Тогда почему меня так быстро уволили? Если я действительно такая хорошая, почему меня уволили? Ты знаешь, сколько я вложила в «Хаокан Энтертейнмент»? По какому праву вы закрыли компанию, даже не посоветовавшись со мной? Кто вы такие, и по какому праву вы приняли это жестокое решение у нас за спиной?! Мы не успели завершить такой отличный проект, в который вложили столько сил и душевной энергии, а с нами обращаются с таким пренебрежением, нас унижают и обманывают — на каком основании!» Цзи Цзе начала терять самообладание.

«Банкротство компании — не твоя вина, твои усилия не были напрасными. Я, как и ты, оказалась в такой же пассивной ситуации, и мне тоже очень тяжело. Но я отличаюсь от тебя тем, что не сдалась и не смирилась с судьбой. Наносить себе вред бессмысленно — твоя жизнь может принести лишь сочувствие, но не надежду, понимаешь?»

«Конечно, ты не сдашься, ведь ты уже достигла вершин в своей отрасли, ты добилась успеха, у тебя есть все, чтобы начать с нуля. Но я — нет. Меня с детства не ценили, и чтобы чего-то добиться, мне приходилось изо всех сил стараться! Только заняв первое место на каждом экзамене, я могла заслужить от родителей слово похвалы. С таким трудом я закончила университет и нашла работу, каждый месяц отправляю деньги домой, чтобы доказать им и родственникам, что у меня всё хорошо, что я добилась успеха в большом городе. Если они узнают, что меня уволили, что компания обанкротилась, мне действительно конец. Я стану тем человеком, к которому они относятся с наибольшим презрением — неудачницей». Цзи Цзе заплакала, когда заговорила о родителях, наконец высказав всю обиду, накопившуюся в душе.

Гу Сяоцзюнь собралась с мыслями и продолжила: «Я понимаю, я знаю, что ты чувствуешь. Я родом из маленького приграничного городка, и, как и ты, мне приходилось постоянно доказывать свою ценность и бороться за то, чего я хочу. «Haokan Entertainment» — твоя первая работа, у тебя старт был выше, чем у меня. Моей первой работой была работа папарацци: я жила от еды до еды, не могла позволить себе арендовать квартиру и жила в подвале, а потом даже за аренду подвала не смогла платить и была вынуждена, набравшись смелости, жить у друзей. Ты даже не можешь себе представить, через какие трудности мне пришлось пройти. Я

собственными глазами видела, как популярные идолы рушились на моих глазах, я пережила кибернасилие — тысячи оскорбительных комментариев в мою адрес, проклятия в адрес всей моей семьи; каждый день у моего дома меня поджидали люди — обливали краской, выбивали двери, и это ещё самое лёгкое. Позже меня приютил какой-то добрый человек, и только тогда я смогла перевести дух и шаг за шагом дойти до того, где я нахожусь сегодня. На самом деле я такая же, как и ты: меня уволили из компании. Я — одна из первых сотрудниц «Хаокан Энтертейнмент», и когда в группе проводили сокращения, мне даже не сообщили об этом, но такова реальность. Бессмысленно ругать кого-то или обвинять кого-то, и я тем более не буду выражать своё недовольство, причиняя вред себе, или бороться с несправедливостью таким образом, потому что, умерев, я действительно ничего не получу: не будет возможности доказать свою правоту, не будет шанса переломить ситуацию, не будет возможности встать перед противником и дать ему пощечину. Ты ещё так молода, а молодость не должна бояться суровой зимы — для молодости суровой зимы и не бывает. Если ты испугаешься и сдашься, все твои прежние усилия пойдут насмарку, ты понимаешь?»

Цзи Цзе уже рыдала, не в силах сдержать слёз.

«Обещай мне, что сегодня ты просто выпустишь пар, представь, что худшее уже позади, а в последующие дни мы начнём всё сначала вместе, хорошо?» — говорила Гу Сяоцзюнь, подходя к Цзи Цзе.

Цзи Цзе явно была тронута её словами, но всё ещё колебалась, стоя на ступеньках.

«Послушай, если ты не сможешь победить саму себя, не найдешь в себе мужества посмотреть себе в глаза и не сможешь отказаться от прежней себя, то тебе действительно никто не будет сочувствовать, и тогда ты никогда не сможешь переломить ситуацию».

Цзи Цзе была полностью тронута словами Гу Сяоцзюнь и медленно протянула руку. Гу Сяоцзюнь взяла её за руку и с усилием стянула с ступенек. Появились полицейские, которые окружили их, чтобы защитить обеих. Гу Сяоцзюнь обняла Цзи Цзе, крепко прижав к себе эту глупую девчонку, и только тогда обнаружила, что сама тоже плачет.

Гу Сяоцзюнь не солгала, чтобы спасти человека: тогда ситуация была ещё хуже, чем сейчас. А всё началось с Цзян Чуюа.

Резонанс, вызванный инцидентом с Цзян Чуюа, был в шоу-бизнесе абсолютно беспрецедентным и, безусловно, войдет в «летопись шоу-бизнеса» — ведь превращение развлекательной новости на первых страницах в социальную новость — это не то, чего можно добиться с помощью подкупленных статей или искусственного нагнетания трендов.

В те годы Гу Сяоцзюнь только что закончила учебу и вышла в мир. Она была полна уверенности в себе, испытывала чувство превосходства, присущее отличнице, и считала, что у неё впереди светлое будущее. В день выпускного она ждала в университете отца, чтобы он пришёл на её церемонию, но его так и не появилось. Когда стемнело, она получила известие о том, что отец, из-за неудачного ведения дел компании и огромных долгов, покончил жизнь самоубийством, бросившись с крыши.

Горе от потери отца едва не сломило её; она не могла понять, как её отец, всегда такой оптимистичный и на которого она полагалась, мог выбрать такой путь. Отец был её единственным родственником, и с тех пор у неё больше не осталось никого на свете. Но жизнь продолжалась, и, сдерживая горе, она по рекомендации преподавателя устроилась на стажировку в журнал. Чтобы заработать на жизнь, ей пришлось стать папарацци, следить за самой популярной на тот момент группой и добывать сенсационные новости о них.

Гу Сяоцзюнь, амбициозная молодая девушка, окончившая факультет журналистики и питавшая журналистские идеалы, с презрением относилась к этой работе, но без неё ей не на что было прокормиться. Большинство папарацци — парни, которые готовы на всё: лазать по горам, бросаться в реки. Гу Сяоцзюнь не была столь ловкой и могла только сидеть и ждать, пока добыча сама не подплывет. Возможно, благодаря тому, что она девушка, Гу Сяоцзюнь

лучше умела маскироваться. После нескольких дней непрерывной слежки и наблюдения наконец-то произошло что-то интересное. Сначала она думала, что это просто светская новость, но неожиданно всё обернулось громким скандалом, в результате которого погиб человек.

Чжан Ваньвань, получив звонок о помощи от Гу Сяоцзюнь, поспешила в полицейский участок и, увидев Гу Сяоцзюнь в тот момент, просто ошеломила от ужаса. Поклонница по имени Ли Лицзяо была ранена ножом и упала прямо перед ней.

В последующие дни Гу Сяоцзюнь неоднократно допрашивалась полицией, выступала в суде в качестве свидетеля с места происшествия и помогала суду воссоздать картину событий той ночи. Она видела, как Ли Лицзяо достала из сумки нож и нанесла удар Цзян Чуяо, который действовал в порядке самообороны. В ходе борьбы Ли Лицзяо, к сожалению, получила ножевое ранение в жизненно важный орган и скончалась от потери крови.

Благодаря убедительным показаниям Гу Сяоцзюнь и видеозаписи с её камеры, после нескольких судебных заседаний Цзян Чуяо в конечном итоге был признан действующим в порядке самообороны. Однако родственники погибшей не согласились с этим решением, твердо убеждённые в том, что Гу Сяоцзюнь получила взятку от Цзян Чуяо за дачу ложных показаний, и что шоу-бизнес — это гнездо змей и крыс. Они настаивали на подаче апелляции, но в итоге приговор был оставлен в силе.

Этот исход оказался неприемлемым для старшей сестры Ли Лицзяо. Она упорно утверждала, что у Цзян Чуяо есть средства, чтобы «отмыть» себя, что доказательства журналистки Гу Сяоцзюнь были сфальсифицированы, а все её слова — чистый вздор. Она не верила, что её всегда послушная младшая сестра могла совершить столь абсурдный поступок; её сестра была ещё студенткой и отдалилась от семьи только потому, что была ослеплена этими кумирами — во всём виноват Цзян Чуяо. Раз закон не наказал Цзян Чуяо, она решила восстановить справедливость для сестры своими методами и заставить всех, кто причинил ей вред, понести наказание.

Однажды старшая сестра Ли Лицзяо, Ли Лися, ворвалась в квартиру Гу Сяоцзюнь и, размахивая острым ножом, нанесла ей удар по руке. К счастью, Чжан Ваньвань и Ян И вовремя вернулись домой и предотвратили трагедию. Ли Лися была задержана полицией.

Спустя три месяца буря улеглась. Рана, оставшаяся после нападения старшей сестры Ли Лицзяо, время от времени по-прежнему слегка ноет. В тот день, когда она сняла повязку в больнице, она шла домой одна. Она снимала комнату у Ян И и Чжан Ваньвань — это был обветшалый невысокий дом, спрятанный в переулке, и чтобы добраться до дома, ей приходилось проходить через длинный переулок. Она уже давно страдала бессонницей, все тело было измучено, ноги словно не принадлежали ей и двигались без чувствительности. Проходя по переулку без фонарей, она почувствовала холодок за спиной и невольно ускорила шаг. Внезапно над её головой промелькнула тень, она вздрогнула, а затем раздались два мяуканья — это была дикая кошка. Она не осмелилась поднять голову и изо всех сил пыталась успокоить себя.

Ещё не оправившись от испуга, Гу Сяоцзюнь видела, как шумная улица на другом конце переулка становится всё ближе. На углу появились две фигуры, загородившие ей путь; при свете луны она разглядела, что это Чжан Ваньвань и Ян И. Обе держали в руках продукты и звали её по имени. Она побежала к ним и, обняв их, разрыдалась. Она уже давно не плакала.

Она думала, что дождь прошел и небо прояснилось, но для Гу Сяоцзюнь самый мрачный период только начинался: она подверглась жестокому, хотя и не сопровождавшемуся кровопролитием, насилию в сети: «интернет-тролли» выставили её злобной и алчной журналисткой, обвинив в том, что именно она привела к падению и потере репутации её кумира Цзян Чуяо, стала причиной гибели от ножевого ранения девушки в расцвете сил и привела к тому, что старшая сестра этой девушки оказалась за решёткой. Она была грязной, подлой, низкой — шлюхой, готовой пойти на всё ради денег. Всю её семью «разоблачили» до последней мелочи,

даже смерть её отца выставили как самоубийство из-за ненависти к ней и «страха перед наказанием».

Спустя много лет Ян И уже почти не помнила, что именно говорила тогда Гу Сяоцзюнь сквозь слёзы, но одна фраза так и осталась в её памяти. Гу Сяоцзюнь сказала: «Мы все видим только ту сторону, которую хотим видеть, но у людей и событий есть самые отвратительные и самые уязвимые стороны, и даже самый совершенный человек не выдерживает тщательного анализа; точно так же и у самого ничтожного человека бывают моменты максимальной силы, когда он ждёт своего часа, чтобы вернуться с новой силой». Ян И восхитилась тем, что Гу Сяоцзюнь, как и подобает журналистке, выражалась изысканно, даже с легкой ноткой иронии — словно в подписи в QQ: даже не понимая, что именно она имела в виду, Ян И знала, что в этих словах есть глубокий смысл.

Спасенная Цзи Цзе, укутавшись в куртку Гу Сяоцзюнь, была отведена домой Гу Сяоцзюнь и Ань Я. Цзи Цзе жила в съемной квартире на окраине города; целый ряд серых многоэтажных домов словно вписывался в серый небосвод, создавая ощущение нереальности. Гу Сяоцзюнь вспомнила, что в те времена она жила не лучше: в мрачном подвале, куда круглый год не проникал свет; посреди ночи её часто будили звуки протекающего унитаза и скрип матрасов соседей; тот холод, смешанный с запахом плесени, она запомнила на всю жизнь.

К тому времени, как Цзи Цзе устроилась, уже наступило послеобеденное время. Гу Сяоцзюнь взглянула на карту: всего чуть более тридцати километров на север — и уже другой город.

Вид Цзи Цзе, стоящей на крыше, разрывал ей сердце. Она вспомнила о смерти отца. Ей хотелось понять, какое отчаяние он испытывал, стоя на той крыше, и подумала: а вспомнил ли он хоть на мгновение о своей дочери? Хотел ли он ей что-то сказать?

При этой мысли у неё отнялись силы, но об этом угнетении и горе она не могла никому рассказать.

С некоторыми обидами приходится справляться самой: шип, застрявший в сердце, нужно вытащить самой, чтобы боль утихла.

Она позвонила по телефону и собралась в одиночку поехать на машине, чтобы уладить одно важное дело.

Гу Сяоцзюнь сначала хотела, чтобы Ань Я вернулась, но та, заметив, что у Гу Сяоцзюнь плохое настроение, настояла на том, чтобы остаться с ней. Гу Сяоцзюнь подумала, что девушке будет тяжело одной на улице без машины, и решила, что лучше поехать вместе.

Ань Я сама предложила себя в качестве водителя и, следуя координатам, которые дала ей Гу Сяоцзюнь, доехала до какого-то места в провинции Хэбэй. К тому времени уже стемнело, и на голубом небе за далекими горами появилась полоса заката.

Дорога была извилистой, но, наконец, недалеко от шоссе появились ряды серых зданий. Железные ворота у входа были на замке, а на табличке рядом крупно было написано: «Третья тюрьма».

Ань Я всю дорогу сдерживала вопрос, но наконец не выдержала: «Сестра, зачем мы приехали в тюрьму?»

Гу Сяоцзюнь потеряла глаза: «Там нас кто-то ждёт. Ань Я, если боишься, не заходи со мной, просто подожди меня снаружи».

Ань Я никогда раньше не бывала в тюрьме, и в душе у неё зародились сомнения. Глядя на высокую колючую сетку на массивных стенах, она думала, что там сидят люди, нарушившие закон и порядок, а может быть, даже жестокие преступники, совершившие убийства и поджоги. Но она никогда не была из тех, кто боится смерти, поэтому, подготовив себя морально, невольно выпрямила спину и подняла голову: «Сестра, я не боюсь!»

Гу Сяоцзюнь протянула руку и ласково погладила её по голове: «Там не так страшно, адвокат Чжао тоже будет, не нервничай».

Ань Я никогда не видела этого адвоката Чжао, но она давно слышала, что генеральный директор Гу и знаменитый пекинский адвокат Чжао Цянь — хорошие друзья; в прошлом году на день рождения Гу Сяоцзюнь адвокат Чжао Цянь даже подарил ей огромный букет цветов.

Слово «друг» на самом деле не может точно описать отношения между Чжао Цянем и Гу Сяоцзюнь. Они познакомились на одном из коктейльных вечеринок: после того как в спешке обменялись визитными карточками, они не связывались целый месяц, и Гу Сяоцзюнь уже успела забыть об этом человеке. Позже Чжан Ваньвань столкнулась с спором об авторских правах и обратилась за помощью к Гу Сяоцзюнь. Гу Сяоцзюнь случайно нашла визитную карточку Чжао Цяня в кармане пальто и позвонила ему. Чжао Цянь, кратко ознакомившись с ситуацией, без колебаний согласился помочь и успешно разрешил спор для Чжан Ваньвань.

Чжао Цянь и Гу Сяоцзюнь встретились снова благодаря ужину, который устроила для них Чжан Ваньвань. За столом Гу Сяоцзюнь впервые внимательно рассмотрела Чжао Цяня: это был мужчина с отличным вкусом — в темно-синем костюме и светлой рубашке в полоску, без галстука, с видным кадыком. Чуть выше — слегка квадратный подбородок с неглубокой бороздой посередине, ровные контуры губ, очень белые зубы — судя по всему, он редко курит, на кончике носа едва заметна родинка, а чуть выше взгляд натывается на его глаза. Гу Сяоцзюнь опытно улыбнулась, подняла бокал в знак предложения выпить, не теряя при этом достоинства, и сделала глоток игристого вина из бокала на ножке — оно было ледяным, таким же холодным, как взгляд этого мужчины.

Впоследствии они часто встречались, но, как и полагается мастерам своего дела, оба с необычайным взаимопониманием ни словом не упоминали о том, чтобы перейти на следующий уровень отношений.

Приходилось признать, что они действительно были друг для друга счастливой звездой: с момента знакомства карьера каждого из них стремительно шла вверх, они становились всё более занятыми, виделись всё реже и стали тем, кого окружающие называли «хорошими друзьями».

После регистрации они вошли во двор тюрьмы, прошли по длинному коридору, и Чжао Цянь вышел им навстречу: «Как раз сегодня я был по делам неподалеку, как раз когда ты сказала, что приедешь. Ты что, установила на мне камеру слежения?»

«Спасибо, что сопровождал меня».

«Ты снова похудела, плохо питаешься?»

«Я вот-вот останусь без работы, как тут можно думать о еде?» — в голосе Гу Сяоцзюнь было гораздо больше тепла, чем обычно.

«В твоей компании можно обойтись без кого угодно, но только не без тебя».

Гу Сяоцзюнь кратко представила Чжао Цяню Ань Я, а затем перешла к делу: «Ты уже знаешь, что произошло. Я долго размышляла, но всё-таки решила прийти к ней. Рано или поздно она выйдет, и мне нужно прояснить с ней один вопрос».

«Ты прав, но ты действительно готов к этому? Ты же знаешь, как она сходила с ума после смерти сестры — тогда она чуть не погубила тебя. После того как она попала в тюрьму за умышленное нанесение телесных повреждений, её отношение сильно изменилось, она стала очень позитивной, поэтому ей сократили срок и она сможет выйти раньше. Но мне всё равно кажется, что всё не так просто».

«Я знаю. Независимо от того, что она думает, я должен встретиться с ней лицом к лицу. Цзян Чую уже невозможно скрыть. Если она всё-таки хочет отомстить, пусть направляет всю свою злобу на меня».

«А если она набросится на тебя, ты это выдержишь?»

«Ну, тогда попробуем».

Ань Я не могла точно понять, о ком они говорили, но она знала, что именно эта женщина и была целью их сегодняшнего визита — очень важная фигура. Ань Я насторожила слух, боясь упустить какую-нибудь важную информацию.

Две полицейские вывели женщину в серой тюремной робе. Лицо женщины было бледным, без макияжа, и было видно, что она обладает красивыми чертами. Увидев Гу Сяоцзюнь и остальных двоих, её взгляд мгновенно просветлел, но выражение лица осталось прежним. Полицейские предложили ей сесть; Гу Сяоцзюнь тоже села, глядя на нее через стекло, а Чжао Цянь и Ань Я стояли позади нее.

Сидящие друг напротив друга, обе поочередно взяли в руки рации. Гу Сяоцзюнь заговорила первой: «Как ты, Ли Лися?»

Ли Лися... Ань Я, казалось, где-то уже видела это имя, быстро пробежала мысли в голове, вспомнила и, раскрыв рот, невольно воскликнула: «Это она?»

Чжао Цянь сделал жест, призывающий к тишине, наклонился к её уху и тихо сказал: «Да, это Ли Лися — старшая сестра Ли Лицзяо, фанатки, которая погибла в результате несчастного случая во время инцидента с Цзян Чуяо».

Связав это с только что услышанным разговором Гу Сяоцзюнь и Чжао Цяня, Ань Я сразу же вообразила всю картину событий: после того как Ли Лицзяо погибла в результате инцидента с Цзян Чуяо, её старшая сестра Ли Лися решила отомстить и напала на Гу Сяоцзюнь, за что была приговорена к тюремному заключению, а теперь скоро выйдет на свободу. Гу Сяоцзюнь пришла сюда, чтобы вести переговоры? Боже мой, если это действительно так, как она сможет поговорить с человеком, который когда-то причинил ей боль? Подумав об этом, Ань Я пристально уставилась на Гу Сяоцзюнь и Ли Лися, и в её сердце забилося от волнения.

«Как я себя чувствую — неважно. Важно то, когда же моя сестра, находясь в могиле, сможет увидеть, что человек, погубивший её, понёс наказание свыше», — сказала Ли Лися очень спокойно, почти шепотом, но каждое слово Гу Сяоцзюнь услышала чётко и ясно.

— Я взяла на себя всё, что должна была взять на себя в те времена. Ты чуть не убила меня, и до сих пор в дождливую погоду мой шрам начинает болеть. С юридической точки зрения я тебе ничего не должна, но с человеческой — я сочувствую вам, сестрам. Я хотела бы компенсировать тебе ущерб, если только ты согласишься.

«У тебя шрам слегка болит, но у моей сестры сейчас даже возможности почувствовать боль нет. Закон не может наказать тебя, и ты спокойна и чиста перед совестью? У тебя хватает смелости принимать всё, чем ты сейчас обладаешь? Ты нажилась на чужом горе — разве тебе по ночам не снятся кошмары?»

«Я уже говорил, что это был несчастный случай, но я хочу компенсировать несчастье, которое постигло Ли Лицзяо. Пусть это и незначительная компенсация, но в ней отражены моё отношение и мои чувства».

«Если это был несчастный случай и ты не виновата, зачем тогда тебе компенсировать? Ты просто боишься — боишься, что я выйду на свободу и разоблачу тебя! Боишься, что я выйду на свободу и разоблачу вас обоих! Ни ты, ни Цзян Чуяо — ни один из вас не стоит и гроша! Не думай, что я не знаю о ваших отношениях!»

Услышав три слова «Цзян Чуяо», Гу Сяоцзюнь быстро повесила трубку. Она пристально уставилась на эту женщину и только через мгновение снова взяла трубку: «Похоже, за эти годы ты не так хорошо раскаялась, как кажется на первый взгляд. Я пришла не для того, чтобы разозлить тебя, а чтобы утешить и предложить тебе мою компенсацию. Может быть, деньги, а может, работа — главное, чтобы это помогло тебе вернуться к нормальной жизни. Ты задумывалась о том, как будешь жить дальше? Не забывай, что у тебя есть ещё ребёнок — ребёнок твоей сестры. Это единственный человек на свете, связанный с тобой кровными узами. Хотя бы ради этого ребёнка ты должна принять моё предложение».

«Ты угрожаешь мне ребёнком!» — Ли Лися, словно готовая в следующую секунду броситься на Гу Сяоцзюнь, прорычала ей вслед; даже через стекло её гнев ощущался совершенно реально.

«Я не угрожаю тебе, я помогаю тебе. После того как ушла твоя сестра, а ты из-за своего безрассудного поступка оказалась в тюрьме, ребёнок чуть не остался сиротой. Разве не хорошо, что сейчас он может расти счастливым, как обычный ребёнок? Разве не этого ты хотела?» Гу Сяоцзюнь, казалось, тоже была немного раздражена.

«Как я могу смотреть, как его воспитывает мой враг?! Вы все в одной шайке!»

«Ли Лися, как же, в конце концов, можно развеять твою ненависть? Ты хочешь, чтобы невинный ребёнок, как и ты, жил, питая ненависть? Не произноси слово «враг» впустую — сейчас мы живём в обществе, где царит закон, а не в мире кунг-фу. Повторю ещё раз: я пришла к тебе, чтобы помириться, а не чтобы завязать вражду. Ты должна понять мою позицию. Если ты всё ещё не можешь это понять, то после освобождения можешь смело обращаться ко мне — выдвигать требования, обсуждать условия. Даже если ты придёшь ко мне мстить, я буду ждать тебя».

Ли Лися пристально уставилась на Гу Сяоцзюнь. Гу Сяоцзюнь — женщина, с которой нелегко справиться. Она явно угрожает ей, используя ребёнка в качестве козыря. Это ребёнок её умершей сестры, её самое уязвимое место, и сейчас он находится в их руках. Чем больше она об этом думала, тем сильнее злилась. Она обязательно найдёт способ вернуть ребёнка и рассказать ему правду!

Гу Сяоцзюнь и остальные вышли из ворот тюрьмы, сели в машину, и всю дорогу никто не произносил ни слова. Чжао Цянь сам сел за руль: «Она, как и ожидалось, не избавилась от ненависти, теперь она фактически объявила войну. Ещё через неделю она выйдет из тюрьмы. Ты уже решил, что делать дальше?»

«Какая разница, готов я или нет? События будут происходить одно за другим: одни — неожиданно хорошие, другие — неожиданно плохие. Пока ничего не случилось, ничего сказать нельзя. Мне остаётся только ждать. А сейчас мне осталось только пойти к нему».

«Тебя охватило беспокойство?» — Чжао Цянь бросил взгляд на Гу Сяоцзюнь через зеркало заднего вида.

Гу Сяоцзюнь медленно закрыла глаза и долго не могла заговорить. Она знала, что это не волнение — просто в том разбитом на кусочки сердце, которое она с трудом собрала воедино, снова появилась трещина, и осколки начинают понемногу отваливаться. Это была боль, пронзающая до глубины души.

Гу Сяоцзюнь, вероятно, никогда в этой жизни не суждено было стать кроткой и безобидной женщиной — её жизнь обречена на то, чтобы идти наперекор обстоятельствам.

Глава 5.

Водяные струи хлестали из душа, намочив волосы Чжан Ваньвань; холодная вода непрерывно стекала с её головы и лица, покрывая всё тело; она дрожала от холода, но в душе по-прежнему чувствовала невыносимую жару. Она посмотрела в зеркало на своё бледное, лишенное румянца лицо: узкие глаза и брови, высокие скулы, впалые щеки — она выглядела иссохшей, словно ящерица, появившаяся зимой на стене, и ей очень не нравилась такая себя.

Когда она вышла из ванной, Мэн Фань уже ушел, не сказав ни слова.

Она знала, что Мэн Фань не уедет сразу, он посидит в машине, выкурит сигарету и немного погрузится в свои мысли.

Чжан Ваньвань не ошиблась: в этот момент Мэн Фань сидел в машине с открытым окном, с сигаретой во рту и задумчиво смотрел в одну точку. Ему часто нравилось так задумываться, особенно в последнее время. Он пристально смотрел на мост напротив дома Чжан Ваньвань, на котором отражались силуэты деревьев. Левая часть моста была окрашена в желтый цвет светом уличных фонарей, а правая — в серебристо-белый от лунного света; хотя это был один мост, свет разделил его на две части, и это зрелище было очень приятно для глаз.

Огонь продолжал гореть, обжигая пальцы Мэн Фаня; он отбросил окурок и закрыл окно. В салон хлынул прохладный ветер, он чихнул, завел машину, ещё раз взглянул на освещённый балкон наверху и медленно уехал. Слова, которые он собирался сказать, и сегодня вечером так и остались невысказанными.

Чжан Ваньвань в последнее время стала ещё более молчаливой, хотя раньше она была человеком с огромным желанием высказываться — это желание было даже сильнее её сексуального влечения. Она всегда говорила без умолку; когда нечего было сказать или никто не слушал, она начинала писать. Сама она не знала, почему так любит говорить. Возможно, в детстве ей было слишком одиноко: мать всегда оставляла её одну дома, уходя на поиски отца, который пьянствовал и развлекался где-то на улицах, поэтому с раннего возраста она любила разговаривать сама с собой. Благодаря такому таланту к разговору она стала писательницей и сценаристкой.

Чтобы удовлетворить свою потребность в самовыражении, на третьем курсе она начала стажироваться на радио в качестве телефонного редактора в ночной программе о личных отношениях. Эта программа была самой пренебрегаемой на радиостанции; её крупнейшим спонсором был производитель лекарственных средств. Ни один из стажёров на радиостанции не любил эту программу, посвящённую продаже лекарств, и все как один стремились работать в новостных или музыкальных программах.

Но Чжан Ваньвань была не такая: ей больше всего нравилась эта ночная беседа. Она была готова начать с должности телефонного редактора, потому что эта работа требовала непрерывного приема звонков и общения: каждую ночь с десяти часов она принимала звонки со всей страны, отбирала из них наиболее характерные истории, переключала их в прямой эфир, а затем ведущий в тапочках, позевая, отвечал на вопросы слушателей.

Большинство телефонных редакторов отмахиваются от звонков, поскольку большинство из них оказываются бесполезными, да и многие звонящие, пропускаемые в прямой эфир, плохо формулируют свои мысли, говорят без всякой логики — они просто хотят выпустить пар, а не действительно решить проблему. Но Чжан Ваньвань отличалась от обычных операторов: она была чрезвычайно отзывчивой, терпеливой, объективной и прямой. Она всегда сидела в кресле, поочередно отвечая на четыре телефона, стоящих перед ней, неустанно анализировала проблемы слушателей и четко излагала свою точку зрения — зачастую проблема слушателя решалась ещё до того, как звонок попадал в прямой эфир.

Поскольку проблемы решались ещё на её этапе работы, ведущему в студии оставалось всё меньше звонков. Руководство своевременно обнаружило эту проблему и дважды подвергло её критическому разговору, но безрезультатно. В конце концов руководитель в гневе сказал: «Раз ты так хорошо говоришь, почему бы тебе не стать ведущей?» Кто бы мог подумать, что это как раз сыграло на руку Чжан Ваньвань. Она улыбнулась и ответила: «Это же вы сами сказали», — после чего самоуверенно вошла в студию.

Чжан Ваньвань отлично справлялась со своими обязанностями: она была остра на язык и умна и неповторимым стилем. Её резкие нападки на любовниц, урегулирование конфликтов между невестками и свекровью, а также поощрение тайных поклонников к признанию в любви стали классическими моментами её работы в качестве ведущей. В частности, её осуждение любовниц вызвало большой резонанс в обществе, и она в одночасье стала борцом за защиту брака, получив поддержку со стороны множества женщин. Никто не подозревал, что за микрофоном, произносящая каждое слово как жемчужину, была всего лишь студентка третьего курса, которой ещё не исполнилось 20 лет. Руководство, увидев резкий скачок рейтингов программы, было в восторге; рекламодатели сменились с производителей биологически активных добавок на более доходных производителей спиртных напитков — ведь каждый, кто слушал эту передачу, хотел выпить рюмочку перед сном, когда не мог заснуть. И руководство, и клиенты были озадачены тем, как такая юная девушка может так красноречиво высказываться на темы брака. Чжан Ваньвань с едва заметной улыбкой отвечала, что с детства читала журнал «Чжиинь» и рано повзрослела.

Никто не знал, что взгляды Чжан Ваньвань на брак и её высказывания были унаследованы от матери, которая страдала от своего негодяя-мужа и его любовницы. С детства она привыкла видеть, как мать, бросаясь на пол и катаясь по нему, горько умоляла отца не уходить из дома, и сколько раз по дороге из школы она видела, как мать и любовница дрались на улице. И вот однажды, когда она, как обычно, ехала на велосипеде домой из школы и проезжала мимо шумного продуктового рынка, издалека увидела впереди толпу людей, собравшихся в круг, чтобы посмотреть на происходящее. Она смутно слышала, как кто-то плачет и кричит, и, приближаясь, она сквозь просветы в толпе увидела, как мать и женщина, торгующая рыбой, сцепляются в рукопашной: таз с рыбой был опрокинут, рыба разлетелась по земле, и обе женщины, как рыбы, катались в грязной грязи, дергая друг друга за волосы и ругаясь. Её отец, с сигаретой во рту, стоял в стороне, пытаясь разнять их, а пепел падал на лацкан его тёмно-синей рабочей одежды.

Она стояла на ступеньках в самом краю толпы и молча наблюдала за происходящим. Не знаю, почему в этот момент она не плакала и не дрожала от страха, как раньше, и не бросилась как сумасшедшая на защиту матери, как раньше. В этот момент она была совершенно спокойна, даже безразлична, словно посторонняя, не имеющая к этому никакого отношения. В тот день соседи заметили её и остановили эту бесстыдную ссору. На лице её матери остались отпечатки ладоней и шрам; она, шатаясь, подошла к ней, а она, сидя на велосипеде, резко развернулась и умчалась, оставив их всех далеко позади. В ту ночь она не вернулась домой — она больше не хотела возвращаться.

В то время она не имела полного представления о браке, но гнев всё время давил на её душу.

На горячую линию программы поступало всё больше звонков: она помогала искать пропавших детей, спасала девушек, собиравшихся покончить с собой; её передача на время стала самым прекрасным голосом в ночном эфире местной радиостанции, рекламодатели вкладывали в неё огромные суммы, покупая титульное право и рекламное время. Сразу после окончания университета она без проблем получила предложение о работе на радиостанции, рано обрела финансовую независимость и беззаботно жила в маленьком городке. Если бы не один мужчина, она бы никогда не отправилась в мегаполис, не попыталась бы, укутав свою хруп-

кость идеалами, пробиться сквозь толпу людей. Сейчас, оглядываясь назад, она считает те дни лучшим периодом в своей жизни — с тех пор она больше никогда не была такой свободной и счастливой.

Талантливые люди всегда выходят на свет, даже если у них нет возможности, они сами создают её, чтобы проявить свой талант. Талант — как огонь, его невозможно скрыть.

В тот период, когда она в третий раз рассталась с Мэн Фаном, она случайно познакомилась с одним мужчиной в интернет-чате. Они так хорошо поладили, что договорились встретиться в кафе. После глубокой беседы оба почувствовали прилив сил и душевного подъема; им казалось, что просто разойтись по домам было бы слишком рано, и поэтому мужчина заказал бутылку виски, а Чжан Ваньвань — большую коробку маринованных закусок. Поедая утиные шеи, она спонтанно устроила с ним игру «Расскажи свою историю». Чжан Ваньвань выведала у мужчины всё до последней мелочи; когда он заговорил о своей первой любви, под действием алкоголя у него даже потекли две горячие слёзы, и он сказал, что глаза Чжан Ваньвань точно такие же, как у его первой любви.

Мужчина сказал, что никогда в жизни не забудет свою первую любовь — это было время его юности, когда он был полон энергии: чистый, солнечный, преданный, невинный, страстный и смелый. В столовой, не обращая внимания на то, как однокурсники стучали по ланч-боксам и подшучивали над ним, он встал перед девушкой и подарил ей коробку с ещё дымящимся тушёным свиной. Девушка приняла блюдо, и её щеки покраснели. Мужчина описал эту наивную любовь так, будто это был фильм «Любовь под вишневым деревом». Чжан Ваньвань, следуя своему привычному подходу докопаться до сути, проследила за хронологией их отношений и выяснила причину их расставания: они вкусили запретный плод, их родители об этом узнали, и девушка перевелась в другую школу. Сначала они тайно переписывались через друзей, но со временем письма стали все реже, а потом и вовсе прервали всякое общение. Менее чем через полгода у парня появилась вторая девушка. Помогая мужчине вспомнить вторую половину этой романтической истории, она помогла ему протрезветь; он вытер слёзы, пошёл в туалет умыться, привёл в порядок одежду и попрощался с Чжан Ваньвань. Перед уходом он спросил, не психотерапевт ли она, на что Чжан Ваньвань ответила, что является заместителем председателя женского союза. Мужчина бросил на неё многозначительный взгляд и, повернувшись, ушёл.

Чжан Ваньвань, словно вдохновлённая этим случаем, начала постоянно встречаться с мужчинами: иногда они просто болтали, а иногда начинали глубокие разговоры за коробкой маринованных закусок и бутылкой вина. Эти мужчины были из самых разных сфер жизни, каждый со своими историями и желаниями. Они были совершенно разными людьми, но их объединяло то, что они доверяли Чжан Ваньвань. В ней было что-то вроде недружелюбной дружелюбия и неумной умности; это ощущение создавало между ней и мужчинами некую тонкую безопасную дистанцию. Мужчины отвечали ей неискренней искренностью, но в конечном итоге сбрасывали оковы своего статуса и снимали маски.

Чжан Ваньвань вытягивала из них множество сожалений и секретов, зарытых в глубине их душ, — тех историй, о которых они никогда не рассказывали посторонним; некоторые из них были зарыты так глубоко, что они сами о них забыли. Каждая история для Чжан Ваньвань была как своего рода поддержка, она придавала ей воодушевления; это ощущение было несколько извращённым, но она погрязла в нём и не могла вырваться. Это ощущение пробудило её нервы, которые, как ей казалось, давно уже онемели, и пробудило её душу. Особенно страшно было то, что однажды, когда мужчина плакал, прижавшись к ней, в её голове раздался голос: «Смотри, страдают не только женщины — мужчины плачут даже некрасивее, чем женщины».

Она, словно коллекционируя марки, собирала разные «медали», носила их на себе в надежде, что однажды, стоя перед тем мужчиной, который причинил ей боль, она покажет

их ему, чтобы прославиться и доказать, что она не была той, кто пострадал. Это ощущение носит метафизический характер, но с практической точки зрения Чжан Ваньвань, словно делая заметки, фиксировала образы разных женщин из уст этих мужчин. Она собрала истории этих женщин в книгу под названием «Тот мужчина так обо мне говорил», которая после публикации стала сенсацией и мгновенно сделала её автором первой величины. Её афиши появились во всех крупных книжных магазинах и на литературных сайтах. Плюс в том, что она обрела свободу покупать сумки, минус — в том, что ей больше не удавалось легко встречаться с мужчинами, ведь в глазах многих она очерняла мужчин и считалась их врагом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.